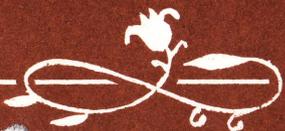


СИАМАНТО







ԳՐՄՅԱՆՍԿԱԿԱ ՔԼԱՍՏԻՇԵՍԿԱԿԱ ՓՕՅԻՅԱ

ՏԻԱՄԱՆՏՕ

Լօզա գնեվա



ԵՐԵՎԱՆ «ՏՕՅԵՏԱԿԱՆ ԳՐՕՒՒՄ», 1987

ББК 84Ар1

С 340

Перевод с армянского
Составление и предисловие
Р. Ангаладяна
Иллюстрации В. Бегиджанянца
Оформление В. Арутюняна

Сиаманто

С340 Лоза гнева: Стихи /Сиаманто; Сост. и предисл. Р. Ангаладяна; Пер. с арм. М. Шатовой и др. — Ер.: Совет. грох, 1987. 224 с.

Сборник впервые представляет отдельным изданием на русском языке творчество выдающегося армянского поэта Сиаманто (1878 — 1915).

С $\frac{4702080100 (128)}{705(01)87}$ — 176.87

ББК 84Ар1

© Издательство «Советакан грох»,
перевод, составление, предисловие,
оформление, 1987

ВМЕСТО РОЗЫ СВОБОДЫ — ЛОЗА ГНЕВА

*Так раненое древо источало
слова и кровь...*

Данте

Между рождением поэта и его бессмертием есть миг, сотканный из тончайших капилляров памяти, сострадания, борьбы. Миг творчества. Таков и Миг западно-армянского поэта Атома Ярджаняна, известного литературному миру под именем Сиаманто, чей сборник стихов вы, уважаемый читатель, сейчас открыли.

В древних горах Бюракн, что в сердце Армении, берут свое начало четыре великие реки — Тигр, Кура, Евфрат и Аракс. Об этих сказочно красивых и суровых местах сложено бесчисленное множество стихов, легенд, песен и сказок. Уходят реки вдаль, уходят, чтобы набрать силу, дать Земле Армянской жизнь, и, как добрые, могучие и щедрые люди, входят во владения наших соседей, где они всегда желанные гости. На этих крутых берегах родилось немало прекрасных поэтов, чей путь можно сравнить с могучими реками, которые спокойно и уверенно вливаются в океан общечеловеческой культуры, а по сути — общечеловеческого братства.

Евфрат...

Река величия и скорби, река легенд и страдания, река плодородия и бесплодия, великая армянская река.

Евфрат, ты мечта и глубинная боль Атома Ярджаняна, великого поэта-гражданина, чья огненная лира и короткая, как летняя ночь, жизнь были отданы Армении — ее Родникам и Будущему, ее Скалам и Мужеству, ее Трагедии... Поэт сам пал жертвой этой Трагедии — первого в XX веке геноцида.

В 1878 году в живописном и уютном городе Акн, что находится на правом берегу Евфрата, в образованной купеческой семье родился будущий поэт. Кстати, через семь лет после рождения Сиаманто близ Акна появился на свет еще один великий поэт Армении — Мисак Мецаренц, чья трагическая жизнь и нежнейшая лира вызывают и горечь и восхищение. Акн был всегда одним из центров армянской культуры. Здесь в конце XIX века родились, жили и творили выдающиеся умы — поэт-переводчик, литературовед Аршак Чобанян, прозаик, депутат турецкого парламента Григор Зограб, художник-график Эдгар Шаин, епископ, первый собиратель и исследователь национального эпоса «Давид Сасунский» Гарегин Срвандзтян и многие другие.

С одними из них Сиаманто дружил, с другими был близок, сотрудничал, у третьих — учился...

Начальную школу будущий поэт окончил в родном Акне, а продолжил образование, по настоянию семьи, в Константинополе. Так мальчик навсегда покинул город своего детства. Величественный Евфрат уходил вдаль, унося в волнах щемящую тоску уп-

рямых глаз. Это его река. Евфрат вот сейчас исчезнет за поворотом дороги, чтобы возникнуть, словно реальная вечность, в стихах... Тягучая, мудрая, яростная музыка Евфрата связала весь духовный мир Сиаманто, став основой его поэтической стихии. И где бы ни был поэт, здесь, на берегах Евфрата, будет цвести его Лоза Гнева, Лоза, чьи корни уходят в трехтысячелетнюю историю армянского народа. Лоза поэта, листья и плоды которой набирают силу и дают человечеству осязаемую душевную хронику древнего народа в критический период его истории, ибо опыт поэта неотделим от судьбы народа.

Однажды молодой Сиаманто, говоря о назначении поэта, сказал, что единственная цель художника — видеть и любить прекрасное. Но он стал поэтом геноцида, где спрессованы голоса призыва и ужаса, отчаяния и тревоги, где нет места даже мечтательной грустной улыбке.

Аветик Исаакян называет Сиаманто «уникумом в мировой литературе».

Справедливо задать вопрос: почему Сиаманто стал поэтом геноцида, изменив своему идеалу?

В 1894 — 1896 годах коварный и слабоумный турецкий султан Абдул Гамид II, чтобы как-то продержаться на троне и тем самым продлить существование своей прогнившей империи, учинил в Константинополе и Сасуне резню армян. Предвидя эти события, друзья отца посоветовали вывезти совсем

еще юного Атома из тогдашней столицы Турции. Будущий поэт впервые оказался в вынужденной эмиграции. Он почти год прожил в Египте, куда неисчислимыми толпами стекались беженцы. Перед открытой и легкоранимой душой Атома во весь рост встали призраки ужаса и бессмысленной смерти.

Я хочу всмотреться в огромные грустные и наивные глаза юноши, когда его взгляд вспыхивал яростью, когда неосознанная мудрость давала силу гневу. Сиаманто и теперь напряженно смотрит сквозь пространство Времени, сквозь пласт другого языка и открывает русскому читателю полную благородства и боли судьбу самого поэта, поэзию борьбы.

Символично и то, что первое стихотворение, которое решается предложить застенчивый юноша издававшемуся в Манчестере на армянском языке журналу «Завтрашний голос», было «Сосланная свобода». Это произошло в 1898 году, когда поэт покинул свою родину и отправился продолжить учебу в университетах Женевы и Парижа. Так в армянскую поэзию вошел поэт высокого гражданского долга, чья лира и жизнь стали олицетворением судьбы целого поколения, призывом к надежде...

Но до гибели поэта, до гибели целого мира было еще далеко. Была борьба, мучительная и яростная, за обыкновенное существование, была пора постижения и прозрения, была Боль, что равна Памяти, Судьбе, Творчеству...

«В художественном творчестве, — писал в одном из писем Томас Манн, — есть нечто символическое. Оно представляет собой новое образное воплощение унаследованных и с молоком матери впитанных свойств личности. Человек, — продолжает Манн, — ставший мыслителем или художником, «вырождается меньше, нежели среда, от которой он эмансипирует, и меньше, нежели он сам думает. Он не перестает быть тем, чем были его отцы, — напротив, он воспроизводит их опыт в иной, более свободной, одухотворенной, образно-символической форме». Эта мысль находит блестящее подтверждение в творчестве Сиаманто. Его поэзия — это сгусток многовекового уклада жизни народа, его древнейшей культуры. Ведь замкнутый мир Акна концентрировал в себе все лучшее и характерное для прошлых веков и, быть может, в предчувствии своей близкой гибели (турецкие власти в 1896 году разорили Акн до основания, учинив там бесчисленное множество зверств), вручил все это маленькому мальчику, как бесценный дар... Миропонимание поэта несет в себе черты родового начала. Сиаманто действительно впитал это с «молоком матери». Отсюда и та языческая ясность и твердость духа, романтизм, которые в сочетании с опытом армянской средневековой лирики и французского символизма дали неповторимый поэтический сплав. Но язычником Сиаманто можно считать условно, ибо он похож на того язык-

ника, который уже принял христианство. Это очень важно чувствовать, потому что всю поэтическую ткань его творчества питают эти два начала.

Сиаманто получил превосходное образование, он много ездил по странам Западной Европы, подолгу жил в Париже и Женеве, глубоко изучая искусство, историю и, конечно же, литературу этих стран и народов. Поэт более года лечился от туберкулеза в горах Швейцарии. Здесь к нему пришла настоящая любовь, а вскоре и измена. Сиаманто в это время узнает и о самоубийстве отца. Скромный, молчаливый юноша был загадкой и магнитом для живущих во Франции, Германии и Швейцарии студентов-армян. Он поддерживал тесные контакты с учеными-мхитаристами из армянской конгрегации мхитаристов, что в Вене и на острове Святого Лазаря близ Венеции. Поэт дружил со многими крупнейшими деятелями армянской культуры. Кроме названных А. Чобаняна и Г. Зограба, хочется отметить еще нескольких — поэтов Даниэла Варужана, Ваана Текеяна, Аветика Исаакяна, актера Ваграма Папазяна, драматурга Александра Ширванзаде... Именно в эти годы поэт прошел школу политической науки, здесь, в Европе, он ясно понял роль своего поколения в контексте истории народа. Тогда же Сиаманто воспринял культуру Армении как мощный духовный пласт в мировой культуре, который со временем будет оценен человечеством. И не случайно, что именно в

эти десятилетия увидели свет фундаментальные исследования в области армянской истории, языка и архитектуры, я имею в виду работы армянских ученых Тороса Тороманяна, Овсена Орбели, Акопа Манандяна, Манука Абегяна, Рачия Ачаряна, русского академика Николая Марра, австрийского ученого И. Стржиговского, литовского исследователя Юргиса Балтрушайтиса (Младшего), в области литературы — знаменитые поэтические антологии — «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», которая вышла на русском языке под редакцией Валерия Брюсова, и трехтомник «Розы Армении», увидевший свет на французском языке в Париже. В области музыки несомненны открытия гениального Комитаса.

Для Сиаманто Армения великого прошлого и есть Армения будущего. Дух Сиаманто, его романтический порыв, его оптимизм убеждают читателя, что светлый час в истории народа наступит, потому что возмездие для армянского народа означает — справедливость.

1901 год...

Он медленно идет по улицам уснувшего города. Чужого города. Его кроткий взгляд полон нежной грусти и необъяснимой тревоги. Глаза поэта... Я хочу понять внутреннее состояние его тревоги, хочу найти импульс его сомнения, вскрыть те неуловимые переживания, где зыбки границы между познанием и откровением...

Сиаманто легко шагает по полуночной Женеве, и его тень, словно мутное око врага, преследует поэта, скользя по мокрым мостовым. Но вот взгляд юноши замирает на черных ветвях безлистого одинокого дерева. Он на какое-то мгновение останавливается, и тусклый свет газового фонаря освещает черные ветви молчаливого дерева и худую руку поэта, сжимающую тонкую книжку — первый сборник его стихотворений.

Именно в Женеве в 1901 году вышел сборник стихов Сиаманто «Героическое», где впервые в армянской поэзии поднята до вершин высокой литературы тема геноцида, где в полной мере проявилась связь молодого поэта с его духовным отцом, гениальным армянским поэтом X века Григором Нарекаци.

Сиаманто одним из первых армянских поэтов XX века обратился к опыту средневековой армянской лирики. Все самобытное и сложное его творчество читается как грандиозная поэма, где каждое стихотворение входит в определенный цикл, а все они имеют внутреннюю логику развития, где наряду с реальными героями присутствуют языческие боги, цари и вымышленные образы, где — и это важнее всего — зримо, полнокровно живет народ. Освободительная борьба армянского народа против турецких завоевателей постоянно волновала поэта. И он говорит возвышенно об уже ставших легендар-

ными народных героях этой священной борьбы — Ахпюре Серобе, Андранике, Католикосе всех армян Хримяне Айрике...

Сиаманто трезво видит победы, просчеты и поражения этой борьбы, он ощущает себя рядовым воином своего мужественного и многострадального народа. Он призывает, заклинает всех рассеянных по миру армянских сыновей и дочерей жить и бороться совместно за светлые идеалы своей Отчизны, когда в мирных садах на берегу Евфрата будет тяжелеть виноград, когда молодое вино будет играть, как улыбка юноши, когда благородная свобода не покинет ее никогда.

Влияние Сиаманто на всю армянскую поэзию XX века огромно. Взять хотя бы Даниэла Варужана и Егише Чаренца, двух гениев армянской поэзии, которые испытали сильное влияние его огнеподобной лиры. Сиаманто был также первым среди тех, кто разглядел в младотурках будущих палачей армянского народа. В 1909 году (то есть ровно через год после прихода к власти младотурок) в Стамбуле вышел новый сборник стихов поэта «Кровавые вести от друга», где Сиаманто разоблачает, клеймит позором этих лжеревольционеров.

Правы армянские и зарубежные исследователи творчества Сиаманто, когда говорят, что нежнейший лиризм поэта, его страстный, неповторимый характер придают его поэзии особое обаяние. Без этих

качеств стихи воспринимались бы как холодные лозунги-призывы. И неудивительно, что литературная общественность Европы высоко оценила творчество армянского поэта, выдвинув за несколько месяцев до его гибели на Нобелевскую премию.

И где бы ни был поэт, а он побывал, кроме стран Западной Европы, в США (кстати, в 1910 году в Бостоне вышел том его собрания стихотворений), на Кавказе (в Тифлисе в 1913 году вышла отдельной книжкой поэма «Святой Месроп»), он высоко нес честь и достоинство своего свободолюбивого народа. Последняя поездка Сиаманто была в Восточную Армению. Это произошло в 1913 — 1914 годах. Свою поездку поэт завершил в Стамбуле, не подозревая, что этот город для него станет Голгофой.

Поэт в полной мере разделил судьбу своего народа, когда в 1915 году младотурки стали планомерно осуществлять свой чудовищный акт истребления целой нации. В расцвете творческих и жизненных сил, наряду с лучшими представителями интеллигенции — Комитасом, Д. Варужаном, Рубеном Севаком, Г. Зограбом, Еруханом, Келекяном и многими другими, был арестован, а через несколько месяцев зверски убит и Сиаманто.

Но поэт погиб, оставив нам посаженную на берегах Евфрата Лозу Гнева, которая, по страстному убеждению Сиаманто, однажды прорастет Розой Свободы.

Рубен Ангаладян

Героическое





*Сколько в мире зорь,
что доселе не расцвели.*

Ригведа

ДОРОГА НАДЕЖДЫ

Те, кто шел впереди,
кто изранил свои лбы о скалы сопротивления, —
гиганты мраморной Надежды,
не отступавшие пред несказанным страхом, —
те, кто собственными зубами
крошил огненные мечи разрушителей, —
этим вечером
окинули взором мое лицо,
в котором не было ни кровинки,
и держали такую речь:

«О закрывший перстами очи!
О ярящийся опрометчиво и отважно
в час борьбы,
в неистовом вихре бури!
Ты,
чьи губы летели к горю,
а усталые руки простирались в молитве
с ночи до ночи,
с утра и до утра, —
брат, каменеющий в скорби над трупами братьев
и несущийся в бешеном танце, —

очи твои превратились в язвы,
ток из твоих очей не слезный, — кровавый...
Подними ж безнадежно опущенные веки, —
и узри
беззаветное пламя факелов наших,
изгоняющих тьму, —
и внемли душою.

Ведомо нам:
ты — мечтатель,
расставшийся с чуждой песнью,
содрогнувшись от зрелища страшных пыток,
ты набрасываешь на изуродованные тела
тихое покрывало траурных слов,
возлагаешь на них
умиротворяющие длани...
Только — забудь о своем многоценном горе!
Пусть оно остается наедине с душою...
Знай же, о бледный отрок: испытанный пламенем —
жив.

Даже когда родники окрасились кровью
и — в упор, не мигая,
глядят на нас из земли, —
и тогда не должно тревожить павших!
Есть у тебя Мудрость, — учись у нее ваянию слова.
Преисполнись божественной стати мраморных глыб.
Пожелай — и, покорный предначертанью славы,
быстрою мыслью
запечатлей веками наше Страданье,

и не забудь об одном:
губы его и душу,
думы его и очи —
устремить в объятия Борьбы!
А затем — и превыше всего затем, чтобы сбыться, —
в эти дни чаяний и страданий
землю, знакомую тени твоей,
обручи с душою.
Ляжет путь твой далече —
деревнями, долами и полями, лишенными сна,
к селам, градам и весям, от края до края, —
не сбивайся с него, но иди вперед,
неустанно иди,
выходя неизменно к началу дороги:
так шагай по нему, наполняясь смертью!
Знаешь сам: неминуема ваша встреча
на твоей дороге, —
чтобы вихрями из-под копыт скакуна Надежды,
чтобы статуями по вершинам встали победы!

...и тогда — всего только на секунду! —
воротись из тени, с которою ты сольешься.
...и тогда — хотя бы одним только глазом! —
посмотри, как будут вставать из тлена
убиенные братья!
От погостов и сожженных городов,
от полей неслыханного боя,
где вознагражденье павшим — жизнь, —

их не сосчитать! Они смешались с нами!
С каждым мигом их больше и больше!
Вот они вступают на простор
площадей Надежды...
Взгляни, какая вера и любовь!
Взгляни, — и больше ничего не бойся.
...Вот надгробия их
и распятия из почерневших досок
на плечах, что согнулись под тяжелой ношей;
саваны в пятнах засохшей крови
развеваются на ветру.
Видишь? Видишь?!—склоняются друг перед другом,
видишь?!—клянутся погибнуть снова и снова
ради братьев...

И да будут сегодня с нами
слепые и расслабленные,
и те, кто подставил шеи под лезвия боя
ради своих ближних,
и они — герои наших сражений,
и слова, ныне вставшие с нами,
и паренье вечное душ...
Есть, однако, другие.
Их — сонмы и сонмы.
Где они — там ужас.
Если ты не познал его, ты — счастливец.
Но мы знаем,
что тела их — тела чудовищ,

что глаза их и жесты — нечеловечьи!

Это — кровь.

Кровь из разрубленных глоток,
наяву или в мыслях,
в черепах этих вранов, хмельных от похоти власти,
хлынув, хлопаньем крыл тревоги объяла слух!

...но да здравствуют матери наших детей!
Ибо есть и матери! — сильные, простоволосые,
там, высоко, в шатрах
ожидают вновь приближенье родов.
Бедра их крепки, и щедро материнское лоно.
Новых непобедимых героев рождают они на битву,
дабы прославить грядущие наши зори!

...наши души отныне тебе открыты.
В преддверии светлого утра, —
брат наш! брат, окрыленный нашей мечтою!
Приходи! — и губы коснутся губ,
и навеки обнимем друг друга.
Днесь — карающий меч прими на свои рамена,
не обогранный доселе святой и страшною кровью.

Братья, клянитесь!
Блеснут в звездном сиянии,
крест очертив, молнии ваших мечей.

...сможешь ли ты положить свою душу на жертвенник
Битвы?

Сможешь — с нами иди!
Ибо ЗДЕСЬ ДОРОГА».

БОГОТВОРЕНИЕ

На рассвете
сонмы непокоренных
двинулись в путь
к новым схваткам,
к священной Цели,
страшные, как шагающие по холмам леса,
одолевая чудовищные горизонты.
И возникли на их пути
два Смысла,
два воина, тяжело вооруженных,
с поднятыми к солнцу мечами.
И когда они заговорили,
лица их были тяжелы и суровы.
«Братья!
День Дней настал!
Вы — ко всему готовы.
Но, прежде чем нацелить в сердца врагов
железные руки копий, —
здесь, на хачкарах разрушенного храма,
здесь, где покоится прах ваших братьев,

внемлите голосу славы,
достойной самих богов.
Мы пропоем ее вам и душам погибших.

О вы, что, спасая ближних,
обагрили кровью свои души, не знающие пределов,
вы, что в любви обрели бессмертье,
бравшие перевал Идеала стальной волей к свободе,
чьи непокорные души и взоры
устремлены к Надежде!
Наше общее горе,
разрушения черных дней,
сочащиеся мукой,
всемогущий светоч веры,
горящий у вас в очах,
отраженный зрачками
неприкаянной, юной Свободы, —
вот в чем сила согласия наших душ!
С этой минуты
нет ничего дороже
самоотреченья,
шлифующего алмазы доблести.
Ваши грозные имена
дрожью кошмара измучат ваших убийц, —
так могучие бури терзают чело утесов
с четырех сторон горизонта...
Это вы
провозвестили свободу

от оков и решеток,
это вы
ударили в колокол,
когда грянул железный год смертей и спасений, —
и стоял колокольный гром от башни до башни!
Гром — по тюрьмам!
Благовест — по темницам,
гаваням и крепостям,
по городам рабов...

Но когда потребовалась жертва,
и пора самоотреченья
постучалась в двери жилищ, —
вы покинули путь свободы,
расстилавшийся перед вами.
Вы своими руками собрали хворост
и, под нашим бесстрастным взором,
возвели для себя костры,
и зажгли роковое пламя!
...Но сегодня,
позабыв и простив минувшее,
благословляем вас
и поем вам славу:
нашим мраморным божествам,
нашим сияющим святым,
вам — грозным,
вам — ввергающим в трепет,
вам — великанам, —
благословляем вас — и поем вам — славу!

И сегодня,
припадая к вашей земле,
с глазами, полными молитвы,
просим вас — мы:
дайте нам саваны ваши распеленать,
дайте возвысить голос за ваши жизни;
мы — всего лишь паломники,
но доверьте нам погребенье павших.
Будем кадить вам, —
и будем взирать на мир
сквозь засохшую кровь страданья на ресницах.
Но когда и для нас приблизится время
вступить в сраженье,
и когда нам придется пойти в атаку, —
ваши смерти
не заступят нам совести и дороги!
Благословляем вас!
Слава!» —

...и снова, снова
мы восклицаем,
прежде чем вас оставить:
«С этого утра
отцы и сыны — едины
в общем движеньи.
Ваша вера — едина с яростью
боготворивших вас:
тех, кто не смог противиться гневу,

видя груды и груды
бездыханных тел на пепелищах,
громоздящихся выше самих руин, —
о, страшные горы,
достигающие звезд!

...Ваша вера —
едина с яростью тех, кто идет вперед!

...кто предречет — какие еще предстоят победы?
Славные поражения какие еще грядут?»

ЗОРИ

Над скалистыми кручами встали войска отмщенья,
сами горному кряжу подобны.
И тогда раскатился в ущельях
голос мрачного хора,
голос близкий и жуткий, —
это мертвые звали живых,
это мертвые пели живым!
Так летела их песня,
словно горькая память народа;
песня,
в общем шуме смятенья
окрыленная странным восторгом.

«Остановитесь, завтрашние герои
с гордо поднятыми головами!
Оглянитесь на тех, кто в годину славы
не считался со смертью
ради вашей победы.
Мы погибли, — мы с вами
этим утром!
Мы — извели злобу дракона.

Мы — слышали, как проламывают черепа.
Мы хотим вам иного.

Не имеют крова цветы — но взрастают к солнцу.
Так и мы убежали гробов и склепов.
Вопиющая весть восстает перед вами.
Как и при нас, густо замешано время
на тумане и глине разочарований.
Но поднимутся наши веки,
и раскроются губы растоптанных лиц,
бесконечно чужих вам, огненнолобым...
Но — услышьте! Услышьте!

...На наших могилах
окровавленные камни стоят и распяты, —
сострадавшие в смерти,
совоскресшие к жизни.
Погодите, — еще оцепенеют над ними
ваши души!
Страх заставит забыть усталость
и огнем пожжет равнодушие!
Мы же вам пропоем о тех,
кто в решающий день спасенья
принес себя в жертву,
и о тех,
кто, уже задыхаясь под грудой мрачных развалин,
не тягался с пленом,
но душа не могла смириться, —

и доньше живы ваши сердца
высокой и грозной песнью,
сложенной ими.

Голоса наши нынче сольются в хоре, братья.
Медь мечей засверкает, выхвачена из ножен, —
так, что станет светло, как днем, на дороге к цели! —
на пути безжалостном, каменистом, мрачном...»

Я,
бессменно стоящий над горным краем,
словно башня
баснословной крепости предков,
видел
тысячи черноволосых жен,
видел я их сыновей, едва рожденных на свет;
гордые матери плакали и смеялись
в исступленьи восторга,
и протягивали младенцев к солнцу,
посвящая их великому бою, —
и лучи зари пеленали их в багряницу!

И — повсюду чисто и сильно грянули хоры.
«Славьтесь, матери,
новорожденные, славьтесь,
радуйтесь, познавшие Утро еще в утробе!
Пейте же этот свет,
алый, как кровь отцов.
Память о них жива!

Вы же, прильнув к материнской груди,
скоро станете богатырями

и замените ваших отцов...

Вы — плоть от плоти нашей и кость от кости.

Вы — наша жизнь и наша душа.

Славьтесь!

Вы — оратаи юные пахоты древней,

вы впрягаете в плуг буйнорогих железных быков,

вам засеять алмазное поле зорь,

и несметен ваш урожай — в грядущем!!»

СРАЖЕНИЕ

Где скалы те, что дали мрамор
для ваших тел?
Где та лоза, где яд, где кровь огня,
вскормившие безумье душ?
Где кузня, молот, наковальня,
что выковали не мечи, но молнии
для наступления ночного?
И, наконец, поведайте, — где луг,
вспитавший тьмы железных скакунов,
добытых вами в мраке неба?
Не их ли объезжаете?

...и вот,
со всех концов земли, со всех сторон,
пылая дикой мезтью торжества,
стекаются несметные полки, —
не сам ли Ад послал их на подмогу? —
всё множатся и множатся ряды;
мы — пьяны от лучей рассвета:
настал тот день,

что все решает.
«День Дней», —
так звали мы его.
Суровая стезя была для всех одна.

И в час, когда луна брела по небу похорон,
и свет ее стоял окрест расселин мрака,
на горизонте показался призрак.
Кто знает, —
может, был он посланцем самой земли? —
облик его говорил о глубокой печали.
Был он вооружен:
щит, готовый встретить удары, слепил, как солнце.
Был он обликом сходен
с ослепшим, но грозным богом,
говорящим суровую правду,
тяжелея лицом:
«Дети мои!
Обернитесь ко мне и дождитесь моих глаголов.
Очи мои впитали землю могил,
ныне же плачут и плачут желтою глиной,
не давая молвить...

Я
узнаю вас
по знакам огня на челе.
В ваших жилах течет
кровь моего рода.

Ведомы мне ваши беды, —
но страстная мука горя
претворится сегодня в правую месть отпора.
Я держу в ладонях собственный череп,
опираюсь на стенку гроба,
но и в недра земли
доносятся ваши стоны,
слезы невинных жертв Избиенья...
И когда горячая кровь
просочилась ко мне сквозь землю,
обожгла мне холодный лоб, —
знал я: горе!

...Сыны мои,
не дожидайтесь гибели ужасной.
Глядите на восток, —там стяг Победы,
что вашими отцами водружен,
полощется на утреннем ветру.
Крылатый голос золотой трубы
даст вам сигнал идти в атаку.
Так в бой, мои возлюбленные!
В бой!
Вы — дети брани, чада исступленья,
в День Дней вы — Буря Бурь!
И это так,
но грянет битва эта — ради жизни,
и ради жизни гибнет — ваша жизнь...
Но нет, не все падут на этом поле!

Вернетесь вы — и воспоете дом,
и мир, и труд под безмятежным небом...»

Он молвил... и пропал.
И лишь на горизонте
зловеще багровел край савана его,
казался он на золотистом небе
ужасным иероглифом былого...
Знак, багровея, мерк и искажался...

Так пусть же грянет золотой призыв!
И, стиснуты железными ногами,
пускай взовьются кони на дыбы!
Пускай, как две горы, сшибутся рати
Резни и Справедливого Отмщенья!
И трупы упадут на трупы,
и день затмится, и поблекнет тьма
от дыма и огня великой сечи!

О, мольбы о пощаде!
О, корчи кичливых врагов,
хруст ломающихся ребер,
черная поросль воронов,
собирающихся под вечер
на телах, поверженных в схватке!
Не успело начаться кровавое пиршество Смерти,
где гостей хоронили в крови
и хватало на всех угощенья, —

сколько раненых! сколько роняющих меч,
не успев занести его для удара!
Клич запекся у них на устах и силы иссякли,
но они поднимаются нечеловеческой силой,
и зубами крушат смертоносную сталь оружия,
и на гребне высокой надежды
уходят навеки.

...Караваны зол — испытанье для крепкой воли.
Ожидают нас рубежи из меди и стали.
В лютый час ужасного униженья
наши братья слагали себе костры
и в удушливой копоти рабства
погибали, храня надежду на нас.
Но серебрян туман рассвета,
мы спешим к вожденной заре Свободы,
и в зловещем безмолвии кары
наши кони под алыми чепраками
устремились вослед врагу...

Будет моря дыханьем дыхание наше.
Солона, горяча,
опускается и вздымается
кровь Резни.

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

На груди тел упал неверный свет:
державший одинокий факел
сушил от крови платье на ветру.
И речь его из мглы была сладка.
Он обращался к нам:

«Как новая заря,
что брезжит за пределом темноты,
во тьме горит на вас венец победы,
соратники отважные мои!
Но рано нам увенчивать чело.
Глаза еще хмельны от вида крови.
Мы возвратимся к нашим матерям,
но дан нам краткий отдых до рассвета,
и мы успеем возвестить Победу.
Взойдем же на отроги славы, —
пускай блистанье окровавленных одежд
и молнии услышанных молитв
могучим светом озарят долину, —
пусть озарят затоптанные трупы,
отрубленные головы и руки,

и саван, что покрыл страну,
и все развалины, подернутые смертью,
и сердцевину самоё земли.
Огнем мечей вы рассекали бездны мрака, —
пускай же мрак мечи от вас примет
и погребет в себе — навеки.

Внемлите мне!

Я говорю о покаяньи вод,
что приняли в себя тела отцов
и бременем безмерным тяготятся.

О сильные!

Я поведу вас к водам:

кровь каплет с наших рук,
омоем их в струе, что смертью освятилась.

Над нами властен радостный удел:
мы возвратимся к древнему призванью
и воплотим мечты первоначальных лет...

И чист и светел труд на отчих землях.

Я — возвещаю истину:

отныне

нет более нужды в победах,
несущих нам освобожденье,
нет более нужды в том, чтобы текли
зловещие кровавые потоки».

Он кончил.

В это же мгновенье
взмахнул крылами ветер утра,

объяв священным трепетом сердца.
И руки,
что день и ночь сжимали рукояти,
разжались.
И взвились плащи
над алым ужасом резни,
над полем битвы, над телами мертвых,
взвились, подъятые порывом урагана.
И там, где край земли, на горизонте,
блеск ратной стали радугой восстал.



Сыны Армении





ГОЛОС ЗЕМЛИ

О, друзья плача и ненависти, скажите, что значит
этот ужас,
О котором говорят, что придет он с огненными мечами
На города мук, надежд и разрушений?
Что такое этот ужас, о друзья плача и ненависти?
— Это вечный голос Земли, призывающей к борьбе,
Голос, подобный медному звону колоколов смерти,
Голос Земли, переполненной мстостью и гневом, при-
зывающей к высшей борьбе.
Слушайте пахнущее смертью эхо ее спасительных
слов:
— О, сыновья мои, паломники и скитальцы, изгнан-
ные из городов и небес,
Слушайте Землю вашу, древнюю, плодоносную и
овдовевшую,
Слушайте речи ее, напоенные мукой и кровью,
плачем и ненавистью,
Отчаяньем и дрожью агонии...
Если хотите, чтоб древний ваш род не исчез,
Чтобы отечество не превратилось в руины,
Если хотите, чтоб дети Свободы рождались
из чрева ее,

Чтобы реки мои, напоенные горем, не нянчили трупы,
Если хотите, чтоб звезды сияли и цветы по-
крывали холмы,
Если хотите, чтобы родники как мечты засверкали,
Если хотите, чтобы на тучных полях колосилась
пшеница,
Если хотите, чтоб ваши поля как младенцев
грудных я вскормила,
Если хотите, чтоб солнце всходило и зори сверкали,
Если хотите, чтобы долины мои не оплакивали
мертвых,
Если хотите, чтобы колена рода сменяли одно
другое и
на лице моем вдовьем можно было увидеть улыбку,
Если хотите мира над вашими кровлями,
Если хотите камни дорог моих кровью горячей
своей не пятнать,
Если хотите, чтоб Мечь отомстила за вас и на-
сытилась Ненависть,
Если хотите, чтоб властвовала Справедливость и
был ваш город воздвигнут,
Если хотите, чтобы возродились Айкашен и Ар-
мавир, Тигранакерт и Арташат,
Если хотите, чтобы души ваши укрепились и ра-
зум прояснился,
Если хотите, чтобы угрызения совести не рыли вам
могил,
Тогда, яростные, с оружием в руках, идите ко мне
на помощь,

Руки простирая к могучим непокорным ветрам,
И, подставляя грудь всем опасностям,
Повторяйте призывы к Ненависти, пригодные для
жестоких дней битвы,
Вселяющие надежду, победоносные и бесстрашные,
Повторяйте их напоколебимо и грозно,
Повторяйте всем и везде — потому что после ре-
шительных битв
Вселяющие ужас памятники Победы будут созданы
вашиими руками

Из костей моих врагов...

Гневом вашего духа сзывайте на помощь,
И армяне, мои сыновья, рассеянные по миру,
Пусть вновь обретут братство и воспламенятся
Призывом к мести, завещанной им отцами.
И пусть ваши руки будут подобны молниям,
А сердца и ум полнятся надеждой,
И пусть сверкают обнаженные мечи,
Так же, как искры, летящие из-под копыт ваших
коней,
Пусть освещают факелы поля битв и вершины гор,
Придите на помощь моим сыновьям и спасите Землю
надеждой.
И чтобы исполнились ваши души храбростью и тела
наливались силой,
Чтобы ненавистью наполнились сердца,
Чтобы стали тверды ваши шаги и крепла воля,

Крепости и валы, и старинные башни станут гру-
дой обломков,
Спешите, о бесстрашные сыновья дней отмщения,
К вашей священной Земле, спешите с открытой
грудью, с острыми стрелами,
Подставляя свой щит ветру борьбы, а меч нацелив
на своего врага.
Спешите свирепо, и бурно, и мстительно
К непокорным скалам, материнским скалам моим...
— И вот что еще хочу сказать вам, сомневающиеся
мои сыновья,
На смену раскаленной и справедливой ненависти
Придет священная, божественная любовь к Жизни,
Придет, чтобы жить на безграничной материнской
груди Земли...
Потому что только я знаю, какие потоки крови
Текут во мраке земных глубин, как глубоко они про-
никают, как глубоко.
Только я знаю ужасающий, неотвязный, проника-
ющий в душу мою
Скрип полуоткрытых гробов...
Только я знаю, какими голосами молят о пощаде,
кричат перед смертью,
Только я помню трепет тех, кто умолял солнце
посветить еще хоть мгновенье,
Только я знаю отчаянье тех, кто любил друг друга,
Знаю стоны матери, потерявшей своих сыновей,

Только я помню страшный скрежет ломающихся
костей,
И сводящее с ума падение отсеченных от тел голов,
Только я знаю, как медленно опускается топор палача
на голову жертвы,
И только я помню о грудах костей тех,
Кто в глубине моего сердца уже столько времени,
столько времени!
И они разрастались, стали густым лесом,
И земля нежданно услышала вести от героев...
«Но сейчас, вы, так упорно стремящиеся к моему
телу и моей душе,
Вы, Верные, вы — паломники, вы, безупречные со-
племенники мои,
Вы, оплакивающие гибель моих сыновей,
Отдававшие кровь свою без сожаления,
Не знавшие позора отступничества,
К вам обращаюсь я!
Ободритесь, воспламенитесь надеждой, креститесь,
Потому что скоро Совесть приведет вас
От Ненависти к прекрасной, исполненной любви
Жизни,
И в отблесках Зари сильные руки братьев
ваши руки найдут...»

1902
Париж

КРЕСТНЫЙ ХОД ПОКАЯНИЯ

В вечер сопротивления и избиения мечами,
Когда божественная кровь героев
Восставала с измученного лона земли,
Как багровое солнце победы и надежды,
Пришли уstraшенные, пришли побежденные, пришли
одинокие,
Бежавшие из градов и весей в поля и горы,
Бежавшие к ядовитым рекам горькой чужбины...

Тысячи было их, тысячи, тыячи,
Тысячи потерявшихся, тысячи не решивших
Бежать или биться, и если бежать, то куда.
И вот потянулись они по дорогам агонии, пепла
и плача,

Безумные, вместе с бесславно разбитыми — с теми,
кто шел,
Власы раздирая и тщетно скликая без вести
пропавших...

И ночью, и днем из Отчизны бежали они —
Кто долу пригнувшись под тяжестью тел своих
близких,
Кто камень дорог попирая кровавой пятою —
И ключьями красной материи эти казались следы, —
Кто просто ползком — от набата сражений и света
пожарищ...

Как буря степная, метались они по земле,
Как молнией, все на пути выжигало их бегство,
В том страшном походе из всех закоулков страны,
В том страшном исходе о помощи тщетно взывая,
Молитвой и стоном и взмахами рук на ветру,
И были, все вместе, слепых одичавшей ордою,
Во гневе, и в бешенстве, и с безнадежной отвагой
Решившей на скалы обрушиться — чтоб их крушить
и крушить...

Но Некто, чей ум истязуем был их слепотою —
И кровоточила душа, и Призвание в сердце
зажглось, —
Как башня, восстал на пути у постыдно бегущих и
начал
Недрогнувшим голосом, твердо, как воля сама,
призывать
Ослепших и пламенем взора внушать Упованье
оглохшим, —

Куда же, в позоре бесчестья, сегодня бежим и бредем—
На тропы какого несчастья, к вершинам какого зло-
действия?
Тела наши бегством объята и рабской рукою при-
крыты глаза,
В ничтожестве нашем, — и небытие перед нами...
А там, позади, там, откуда бежим, там для нас и за нас
Сражаются братья — и гибнут под знаком На-
дежды, —
Свободы апостолы и знаменосцы священной борьбы,
Великие витязи, волей своею всесильны, войну не
кончают веки...
Ступайте обратно, ступайте обратно, ступайте
обратно!
Проснемся от слабости нашей, от ужаса нашего —
ужас былой обратим
Во ужас врагам нашим, морю подобно, волна за
волною падем,
Обрушимся, схватим за горло и в горло вопьемся
зубами,
Горящие камни поднимем с постыдных дорог
И пламенем мести голодной на головы страха
обрушим,
Да будет лишь вестником вечного воинства наш
караван,
Сыны наши встанут, дома наши встанут за нашей
спиною,

«Прости нас, прости нас, прости нам грехи наши,
Матерь-Земля.
Прости, что грешили, тебя, твою боль и борьбу
за тебя забывая.
Прими нас назад, ибо нашим телам, нашим душам
и нашим сердцам
Апостолы истины прежнюю мощь и решимость
вернули.
Отчаянье умерло и, пред кончиной, надежду оно
породило.
Прими нас назад, мы теперь понимаем, что наше спа-
сенье — лишь только в спасенье твоём...»

И весь караван повернул и на камни Отчизны вступил,
Слезами любви, покаянья и новой решимости путь
устилая.

АХПЮР СЕРОБ ВАРДАНЯН

О ты, великан цареподобный, воинственный и могучий,
Прости меня за то, что к тебе обращаюсь, как к
брату,
И огнедышащей лирой мученика и возлюбленного
в этот вечер
О тебе твоим обожателям я песнь свою пою.
Хотя мне не хватает дыхания, чтобы пропеть славу
твоей победы,
Хотя мой скромный разум никогда не поднимется
до вершин твоего имени,
Хотя душа моя недостойна постичь душу героя,
Хотя моя мысль скудна, а слог мой прост,
Хотя не освящена еще тебе посвященная ризница,
и ладан, курившийся в твою честь, пока еще чужой,
Ибо я жалкий плакальщик над пеплом и судьбой
Отчизны своей,
Хотя я не был с тобой в твоих походах смелых, ибо
рабская суета сковала мои дни,
Ибо в ратных делах твоей борьбы не смогли бы
выдержать ни руки мои, ни грудь,
Ибо в мыслях моих не родилась до сих пор ни одна
искра бунта.

И символом мира ты был для городов и сел армянских,
И заступником был безвинно осужденных жизней.
Ты полем благодатным был и плодоносным зо-
лотистым садом,
И светлым родником, над которым мы с трепетом
головы свои склоняем,
Чтобы увидеть утреннюю зарю наших грядущих дней...

Ты был одним из краеугольных камней того дворца
свободы,
На который множество счастливых и победонос-
ных рук,
Трудясь неустанно, поднимут мраморные плиты
надежды...

И однажды утром далекие черноволосые, грустные
наши сестры в память твоего сладкого имени
Тебя с благоговением и святостью назовут Родником.
И почтенные старцы со слезами на глазах во имя
славы
И жизни твоей во время молебнов поклоняются тебе.
И, наконец, ты, о бесстрашный, в жизни всего народа
Напряжением воли своей рассеял все бедствия
и мир возвратил родному очагу.
Вместе с тобой шли в бой, и с тобой погибли
сорок твоих отменных бойцов,
Чьи души горели от слов твоих,

Чьи души были зажжены искрой твоей незабвенной
души.

Они были чудесными священниками твоей религии
освобождения,

И в каждом жило обаяние твоей неукротимой души.

Сорок твоих молодцов, опьяненные твоими идеалами,
сильные твоей мощью,

В решающее утро, в утро восстания в неистовстве
борьбы смогли

Свою арийскую кровь смешать с кровью неверных
врагов.

И жива была твоя божественная и смиренная Сосе,

Чьи обнаженные плечи носили твою винтовку и меч.

Когда ранен ты был, или когда тяжелая одолевала
дума,

Твою царственную и непокорную голову она баюкала
на своей

Томящейся и любвеобильной груди.

...И были братья твои, и дети твои:

И в первых рядах боевых они устремлялись в бой,

И кровь раскаленная их, что кровью Варданянов была,
они пролили

За свой народ, за святую свободу пред взором твоим...

Но скажу я тебе, о брат, о герой, о Ахпюр,

И пусть твои святые мощи на ложе цветущего поля
освятятся,

И пусть твой лоб просветлеет новой надеждой,

И пусть твои месть и гнев усмирятся
Ибо твой свирепый палач в памятный день
Славы и торжества твоих воинов
Справедливой рукой безжалостно обезглавлен.

После... после поднялись новые герои, они сражались
и погибли

На Голгофе твоей, в твоих горах,
Защищая твой род беззащитный,
И вновь поднялись молодые, безутешные от твоей
гибели,
И были они яростны и мужественны, и были они
Преисполнены любовью к земле, и любовью
к свободе...

Но я не знаю, где увековечится во всем величье
Тело твое, отсеченное от солнцеподобной головы, —
Под мстительной звездой, злобной или братской?
Однако имя твое, легендарное имя твое, о Сероб,
Взойдет, воцарится, подобно прохладной и ясной
заре,
На тоске наших душ и во всех уголках Родины нашей,
Как необъяснимое и ниспосланное богом, непокорное
имя Надежды...

1904

Лейзен

ХРИМЯН АЙРИК

И от кровавых подножий до вершин Арарата
Его возмущенный, громоподобный голос сегодня
звучит по-иному.
А вчера ты, божественный и святой Старец,
На твоём далеком и желанном балконе патриаршего
дворца
Над ордами врагов потрясал руками.
И пусть благословенны будут сегодняшние восставшие
факелы!
Наши глаза, полны любовью и беззаветной пре-
данностью,
К тебе обращаются вновь, вновь молятся на тебя,
Вставай, святейший, вставай, о приветливый Айрик,
И нас обнадеживай словом своим, — мы ждем
весомых слов твоих евангельских.
Бушуй пред нашими глазами, опьяни нас вновь,
Всели в нас веру,
Ибо после стольких кровопролитных битв
Наши мысли, взгляды и уставшие души — души
твоих сыновей,

На камнях священных дорог восстания
Уловить хотели биенье твоих шагов и посоха зо-
лотого звучание.

Но ты не пришел, Айрик, не согнулся, как прежде,
Под неописуемыми бедствиями Родины нашей,
Не поклонился разрушенным городам, полям испе-
пеленным,

Поселкам, где груды трупов невинных, —
Не явился, не обезумел от моря нашей крови.
Не пришел и не бился рядом с верными мечами
родных сыновей

Твой благословенный, справедливый меч Васпу-
ракана...

Ты не был с нами, и не вел ты нас ни к пора-
жению, ни к победе,

И построить не смог ты воздушные замки свободы,
Ведь они лишь руками твоими могли быть построены,
Как та идея, та мысль, тот огонь, зажженный однажды
кровью твоих сыновей,

Что излучали твои глаза, озаренные твоим
свободолюбивым порывом.

И только в дни резни, в дни, полные невзгод и
разрушений,

Пред скорбной ризой храма ты, как побежденный,
стоял на коленях,

А гордый твой лоб, благородный и светлый,
Пред хачкарами от боли невыносимой был воспален,
И на милость Христа, увы, уповал бессмысленно ты...

Но сегодня пришли новые враги,
Пришли — разорить, уничтожить, испепелить богом
ниспосланные

Вековые устои твоего Народа,
И ты, о слава тебе, ради любви к роду своему,
Чтобы идти вперед, желаешь жертвовать собой, —
Восстань, и в ярости и гневe прокляни их,
И клятву святую прочти, чтоб смерти навстречу
идти свободно и гордо...

Борись, о свободная и мужественная скала мучений
и борьбы,

Ведь пропитаны двory твоих храмов
Кровью твоих сыновей, мучеников,
богатырей...

Ведь сердца дали обет и руки поднялись в гневe,
Вот ненависть идет рука об руку со святой любовью.
Восстань! о знаменосец мысли и свободы,
Вставай, ибо мы с тобой, Айрик, с тобой, Святейший.
Смотри, твои разбросанные судьбой сыновья из
голосов погибели восстали,

Все к новым Шаваршанам шагают спасительным,
И море Бзнуянц, хранящий бурю в волнах,
Твой лик отразить желает...

Вставай вместе с нами, вставай властно, о героиче-
ческий Айрик,

И старый меч, и крест свой заветный
Подними в одной руке и преподнеси Господу,
И с горечью спроси Его, когда же бросить жребий,

И я знаю, что Огненный Бог из глубин рассвета
прокричит...

—Орел, старинный меч вновь обнажи сегодня...
И от кровавых подножий до вершин Арарата
Его гневный, громopodobный голос вечно должен
звучать.

1904

Париж

КАВКАЗ

(Подарок кавказским армянам, моим товарищам)

Это ли не золотой век?! —
Век, разбивающий гневно тяжелые цепи рабства,
Век столкновения лбов в смертельном ударе и век
триумфа веры!
Век, сокрушивший стальные несокрушимые деспоти-
тизма законы,
Век, справедливо проливший столько вражеской крови
И сложивший такую гору вражеских трупов
Перед жаждущими мести глазами нашими...
Кавказ, ты победно пронес высшее откровение
В пламени рук своих, горящих природною мощью
Народа,
В мыслях своих, разлившихся солнцем отчаянной
Победы,
В крови своей, пылающей желанным восстанием...
В единый вечер руки твои сорвали с небес Звезды
свободы,
Чтобы отнять у враждебного злобного неба
Немного света, немного жизни, немного любви и
немного мечты
Для твоего поколения смутного,

Для страждущих братьев, воззавших к тебе...
О, слава тебе и слава гордости гор твоих, согреваемых
молниями.

Из несокрушимой, вечной скалы рождены
Огнеглазые, черноволосые твои сыновья.
Полночные страшные шквалы лесов твоих
В сердца бойцов вливали могучую силу,
И долины твои под ногами героев зеленели
дорогой Надежды,
И души их бурей твоей протрубили спасения час.
В глубинах твоих, под сердцем твоим, под солнцем
твоим родилась
Храбрейшая часть моей Нации древней.
Именно там озарением вспыхнуло наше чело посреди
темноты;
Именно там засверкал справедливейший Меч борьбы;
Именно там Народ потребовал прав своих
собственными кулаками —
Именно там, — не плача, не преклоняя колен, не
склонив головы,
Именно там с гордостью принял всю тяжесть борьбы
и отчаянно дрался;
Именно там он возжег факел свободы и спра-
ведливости
Перед всеми народами запада;
Именно там проклятье свое он с отвращением вы-
харкнул
Под ноги венценосцам;

Именно там, наконец, тирания поджала пристыженно
хвост.

И отныне — мрамор на мрамор твоих поколений —
Обелиски Славы твоей вырастут именно там...

Ударь, Кавказ! Глаза разоренной Отчизны глядят на
тебя,

И видит Армения, что злоба твоих врагов — ее вра-
гов порожденье.

Скорбный пепел ее могил и ветер ее пожарищ
Летят по дорогам твоим, одевая их в траур,
И кровь ее подступает к порогу братского твоего
очага.

И дрожит израненная ее рука, ища твою крепкую
руку...

Да, сегодня все тот же враг перед ней, он все так
же мечтает

Нас разбить и отпраздновать гибель нашего Рода.
Но сегодня взирает он с ужасом на эту тяжелую
руку твою —

Руку защитника.

Что ж, ударь его, Кавказ, хотя может ли эта мразь
Быть достойной рыцарского удара?

Ударь, хотя священный твой Меч

Осквернит ядовитая гнусная кровь этого стада гиен;

Ударь, хотя герою только с героями должно бороться.

Ударь, чтоб разбить эту жалкую Судьбу, породившую
зло.

Ударь, потому что каждая Надежда надеется на тебя

И каждое будущее тебя умоляет:
Ударь, потому что каждая Свобода и каждое Солнце
От искр ударов твоих жаждут родиться.
Да будет равна твоя ненависть нетленной твоей любви.
Ударь, ударь! И начнут голубеть небеса. И зори грянут.
Ударь! И гром удара, несущего освобождение от
Масиса и до Тавроса,
Раскатится в самых глубинах Родины.

1915

Женева

ОНИ

Ваши стальные руки праведной кары,
Бешеное продолженье гневом горящих сердец,
Мощным ударом воткнули в землю, как знамя,
Заговор и Террор...
Как мне хотя бы приблизиться к вашему Ужасу,
Как мне воспеть, протрубить вам победно,
восславить
Вас, самовластные высшие судьи кровавых тиранов?
Я даже не знаю темных имен
ваших Кошмаров и Страхов,
Ибо победный ваш путь по дороге Господства Правды
Так сокрушителен, быстр, так ослепителен,
Словно мгновенные молний удары, что испепеляют
дремучие чащи лесов...
В самом начале наших страданий и нашей борьбы
Вы, только вы стали крепостью против врагов,
пробивавших наши ряды
В городах деспотизма, на площадях,
Где из наших растерзанных трупов лилась
такая горячая кровь...
Именно там вы закалялись, мужали...

Там прозвучали ваши шаги, взывавшие к Мести,
Ваши мечи истребляли изменников,
братоубийц...
И, не выдержав молниеносных атак,
Толпы мерзавцев валились вам в ноги, моля о
пощаде...
Вот и вчера гранаты героя
в прах превратили варварский табор убийц,
В сворах, от страха сошедших с ума, взрываясь,
как на землю упавшие солнца...
Яркие факелы в ваших руках — свет справедливого
кровапролитья,
Рвали любые запоры и двери темных преступных душ,
Будто Совесть, чей всепроникающий взгляд — Смерть...
Вы — закон, удушающий зло геноцида,
И любое сочувствие и беспокойство,
каждая боль и каждая месть
На весах ваших взвешивались и делились, как хлеб,
служба Справедливости...
Вы не имели соратников, пылких трибунов;
Ваша простертая к солнцу душа, ваше «я»
Превыше всех мыслимых сил — это «я» высшего
человека...
Ваше решенье — безжалостный приговор любому
решенью;
Худо тому, кого красной смертной печатью он
заклеймит...
Знают враги, что ваш голос, внушающий ужас,

И вот, с треском все ставни от страха захлопываются
перед неотвратимой опасностью,
Все надежды на помощь стремглав разлетаются,
и в темноте

Смерть когтями хватает их души...

Так вставайте, вставайте, вставайте опять и опять,
сыновья Армении, Освободители, Богатыри!

Пусть на воздух взлетят, испарятся и испепелятся
Эти кровоточащие преступленьем дворцы палачей!

1905

Женева

МОНОЛОГ

Долго глаголет воспрывший в ночи одиночества
Призрак.
Голос дрожал, сердце полнилось мукой любви, ноги в
пепел вступали, и чаянья были прекрасны;
Пламенем плакал дух Племени, ибо таков он и был, —
Жертва страданий — и гений, рожденный великою
жертвой страданья...
«Правды взыскуя, возмездья взыскуя и слов для воз-
мездья взыскуя,
Вечно один, времена и места истязания я обошел —
Грады сожженные, кровью своей изошедшие грады...
Не было звука, ни отзвука. Смерть меня опережала
повсюду.
Мертвые грады пустынные, как горы... Под камнем
тела, под землей — родники,
Пастбища политы кровью и нивы черны, как погосты,
Вопли сиротские, вдовы плачи, отчаяньем мечены
лица
Тех, кто меча и огня избежав, видит камни прибреж-
ные в брызгах дитячьего мозга...

Воли достало на то, чтобы только прижаться челом,
закосневшим в мученье, к крестам деревянным...
Трупы и трупы под пеплом и головы трупов из пепла.
Трупы на тропах лесных и под хрупким зеркалом
воды, под пятой у смятенного путника — трупы...
В камерах тюрем одни мертвецы, на тюремном дворе,
у стены городской мертвецы...
Руки, в последнем усилье простертые к небу и солнцу.
Руки, к Творцу устремленные манием веры в мгновенье
конца.
Те, что остались в живых, не могли с мертвецами
своими Отчизну свою не оплакать...
О, бесконечность убийства, которую не исчерпать,
Кровь разгоняя по жилам, — но кровь же повсюду
вдыхая.
Ноги идут деревянно по красной от крови земле.
В схватках Природа, как сука, одни только трупы
рожает.
Звезд не видать — это встал в поднебесье кровавой
испарины ком.
Путник, куда ты? Ты странствуешь десятилетье...
Где же твой меч? где твой плащ? где сквозь ужас
насквозь продирающий темень фонарь?
Я заблудился — иль умер? Как знать! Недостоин —
иль не удостоен?
Что за морщина мое исказила чело?
Совесть ли это, из мрака забвенья исторгнута, или
само деспотичное время?

Где маяки, по которым, к которым, пьянея от бли-
зости света, я шел?
Кто погасил их? Когда?.. — Всё горят они, только
не видишь.
Там же, где были, горят — и, пусть их и не видишь,
иди. —
Так мне сказали, так мне подсказали... Куда же?
На голос Евфрата?
К Ванскому морю?.. Сказали мне: за Арарат...
Ненависть, ненависть, вот чем фонарь огневает!
Будет борьба, будет жизнь, умирая, пойдем убивать.
Слышишь трубу? Сердце слева — и страх в нем, а
трубы победные — справа!
Саваны скинем, в которых с тех казней влачили
не-жизнь.
Влагой из туч смоем с век и надбровий кровавую
корку.
Встанем все вместе, всем племенем — временем раз-
делены.
Тени бойцов, тени жертв, ах, какую мы битву затеем!
Все поколения, все убиенные всюду и врозь,
Сразу и все мы восстанем возмездьем — не нам,
мертвецам, ослабеть в состраданье...
Слава героям грядущим, родящимся в пепле по-
смертных простынь!
Десятилетних страданий, как море великое, кровь
набежала.

Прах, ставший копотью, копоть — бесчестьем, сегодня стираем с лица.
Зори алеют цветами — венки да покроют чело возмужавших к сраженью!
С Севера, с Юга, с Востока и с Запада грянут,
Отчизна, твои сыновья.
Гряньте ж! грядите ж! Смотрите ж, грядет Справедливость!..
Кто вы, и где вы, и слышно ль меня в эту ночь?
Стыд вызвал слезы, те — ненависть, ненависть — жажду отмщенья.
Где ты, куда ты, сородич, соратник, собрат,
Скачешь? — Там битва? — Тогда подожди — я с тобою!»

ПРИЗЫВ К НЕНАВИСТИ

Горько стenal одинокий, свой меч и чело, и сиротство
к земле преклоняя.
Горько стenal над судьбою борьбы и страданий раз-
двоенных наших земель.
По-великански огромен, один, в исполинских оружьях,
шел прочь он —
Тяжко гremели шаги, голос варварски грозен, сладки,
как молитва, слова...
«Встань от земли! струи слез твоих, ужас и стоны
Миру явив, мой премудрый, Отчизною посланный
брат.
Стань предо мной, дабы раны души твоей разбере-
дил я отеческой мыслью...
Виду тебя я в ночи голубой, я тебя по стенаньям
признал,
Виду я: скалы страданий и скалы борьбы в твоем
разуме Время воздвигло.
Слезы с очей отряхни, пепел — с ног, потускнелую
леность — с меча.
Первым гряди, дабы кровью Отчизны уста увлаж-
нили мы, лоб твой целуя.

Их не забудь, разжигая то пламя, в котором, омыв-
шись, как солнце, сиять будет племя,
Их не забудь, устрашая врага в наших взорах оч-
нувшейся ясностью цели...
Их не забудь, когда выйдешь на бой, и к тебе при-
коснутся лобзанием Славы уста...»
Грозный, огромный, он, статуям древности вровень,
Вырос — и счастье росую ему застилало глаза,
И на устах расцветала улыбка, и вещая Мысль тре-
петала,
И говорил на рассвете разбавленной розовой крови,
к святым обращаясь гробам:
«Мертвые, встаньте, убитые, встаньте, разбитые в
битве, восстаньте!
Мертвое место, политое кровью, покрытое пеплом,
Отчизна, восстань!
Вскинься, Надежда, прервись, Ожиданье, настань,
наконец, о Возмездье!
Вы, беглецы, слабовольные трусы, изгнанники, тоже
услышьте меня!
Вам моя речь, мой призыв, моя проповедь в муках
рожденной Свободы.
Вам, затененные горы, глухие холмы, доли праха
и тропы бесчестья, —
Вам — и тебе, о История, — подлинной будь или
лживой, позорной иль славной.
Грустно-печальное прошлое, память могилopodobная,
славное Племя —

Грозно звучат и всечасно Возмездия колокола...

Встаньте, воспряньте, ударьте, исполнясь Надеждою
или Отчаяньем — молот его тяжелее...

Силой стенаний порушим убийственных судеб стро-
енья длиной в семь столетий.

Те попрошайки, что клянчили волю, издохли —
встает череда непокорных.

Выросло племя настолько жестокое, что палачи
содрогнутся,

Враг на коленях запросит пощады... И вы, мудрецы,
не таите

Ваших скрижалей — вам надобны мысли, советы,
наказы.

Щедрой рукой сейте зерна отваги, геройства, порыва
к свободе.

Мистик-монах, ты сгодишься, отбей только крылья
кресту и держи его прямо, как пику,

Наперевес — против войска врагов, против господ
лживого, что повелел покориться...

Время, несчастный народ нескончаемых бедствий и
невыносимых страданий,

Выйти всем вместе из наших домов, в каждом граде
и в каждой деревне,

Всех зодиаков приверженцы, — время нам выйти на
битву, —

Ибо довольно уже испытаний, довольно уже попусти-
тельств, —

Нашу дворянскую кровь враг наш адовой чашей все
хлещет и хлещет.
Мы зажимаем уста — но ведь взрежут в мгновенье
их вражьи кинжалы.
Рабство мы терпим, стоим на коленях и молимся —
тщетны молитвы.
Хватит железному карканью быть воронья чернокры-
лого над городами Отчизны.
Хватит грудь грифам свою подставлять — пусть
других поклюют иль друг друга...
Пусть наша нива тучнеет и сад расцветает, политые
вражеской кровью.
Пусть искорчеванным лесом тела их полягут, дож-
дями омыты до кости.
Знаю, призыв мой невнятен и Ненависть в нем
черезмерна,
Но семь веков ждет отмщенья, ждет воздаянья
Отчизна,
Реки бурлят, непокорны, не в силах терпеть униженье,
кровавою пеной;
Запах пожара и пепла взывает к отмщенью в долинах,
Рыцарской силы пожатье в простертой руке Арарата,
Голос проклятья беззвучно витает над градами на-
ших развалин...
Я умираю и я проклиная, сражаться хочу я и жить
беспредельно хочу».

ИЗ ЖИЗНИ СИРОТ

*Для героя самая красивая жизнь, —
борясь, рвись к смерти.*

Фридрих Ницше

Страшное прошлое встало из пепла, очнулось в юдоли
развалин.
Лезвия грудь истерзали Отчизне, и кровью сынов
захлебнулась.
У человечества — явлено вам в одночасье — когти-
стая хватка.
Алый цвет солнца и жизни для вас обернулся
кровавым...
Дети увидели мир: не в цветах, не в улыбках, не в
белом уборе.
В черном уборе страданья и горя, в бессильной мольбе
о пощаде,
В корчах и воплях, в слезах и харкотине, в клочьях
волос искорненных,
В криках и хрипах последних, в разрубленных шей
шевеленье,
Мир покатился шарами голов отсеченных в невинные
детские очи...

Словно рубили дрова, так дробили тела топорами —
вы слышали это,
Ночью, и рядом, и градом — удары, и это губили
родных...
Ветер был вспорхами праха, был призрачной повестью
с места сожженья.
Плоть стала прахом, прах — ветром, а вы, ничего
не поняв, все запомнив, — сосудами страхов ночных...
Может быть, семя возмездья тогда зачало в ваших
душах.
Вы, в колыбели еще, воздевая лилейные руки, вон-
зались перстами
В алые розы, взращенные саблею из материнского
млека,
И погремущка безмолвья, удушье напева, безгубый
оскал поцелуя,
Может быть, каплями крови глаза вам обрызнули
или язык остудили...
Ужас, жилец моей памяти, выйди наружу издохнуть!..
Ангелы вы лучезарные, кто и за что вас, невинных,
в геенну низринул?
Брошены, плакали вы, но никто не упрашивал вас
замолчать,
Ибо не слышал никто. Ибо ласка руки обезжиз-
ненной безжизневела.
Только природа, безумица злая, с двуногим скотом —
исполнителем воли ее,

Были б в ответе, когда б с них спросили ответа...
Жалкие, плакали вы, ибо в мире не стало любви.
Память о ней вам осталась от предков, иначе бы
не осознали утраты.
Птицы умолкли — откуда вам знать это? В черных
вы криках выросли.
Воды ручьев не прозрачны, не пенятся — что же
их так замутило?
Те, что зарезаны над колыбелью, — они ли когда-то
в объятье сплелись, подарившем вам жизнь?
Те, что на кладбище свалены горами, — ваши ль
сородичи это?
Те пепелища повсюду — селеньями ль были, бога-
тыми честным трудом?..
Минули дни, смерть устала, и те же — недавно тер-
завшие — руки
С запада вам принесли свою страшную веру и черст-
вого хлеба кусок.
Лживых посева семян в ваши юные души они за-
ронили,
Именем Господа в пропасть вели и лукаво сули-
ли спасти.
Милостынею бросали обноски вам тело прикрыть —
еще юное, слабое тело.
Сети плели уловить лебединую вашу невинность,
Ныне грозя не отточенной сталью, а грешным ко-
рыстным символом

Чтоб красота поднялась на крови, чтоб восстала к
отваге Отчизна,
Гордая прошлым — кровавым и доблестным, горьким
и честным, —
Ибо и в первохаос человечества гласом златым —
громче бурь над землею — вливалась,
Ибо дерзала и пела, и войны вела, и великие строила
грады в дни мира...
Ибо свой светоч несла, ибо сеяла, правила, билась,
мечтала,
Ибо хотела стать жизнью — не мнимую жизнью, но
жизнью, исполненной истинной жизни...
Не прикасайтесь руками к чужому, храните оружие
в руках, берегите готовность...
Ныне в юдоли развалин — на наших развалинах —
наши враги нам внушают
Грех себялюбья и, значит, — предательства... Сироты,
скорбное племя,
Пасынки жизни, была колыбелью вам смерти утроба.
Но праведность нашего дела,
Праведность нашего знамени, нашего братства —
для вас и за вас воздаянье,
Ибо и воля у нас — цвета крови. И кровью окрасим
отмщенье.
Праведный меч воздымаем во имя спасенья и правды.
Праведный меч воздымаем во имя свободы и веры.
Праведный меч воздымаем во имя сиротской
Отчизны.

УМЕРШИЙ ГОЛОДНОЙ СМЕРТЬЮ

О древнее поле армянское и безмятежные добрые
всходы!
О щедрая нива и сад изобильный, и пастбище, пол-
ное жизни!
О мрамор в ущелье, розы в саду, и сады под полу-
денным солнцем!
О влага забвенья — вино, о взывающий к памяти
предков обыденный хлеб!
О райские кущи цветов и растений, и птиц, и пре-
лестного птичьего пенья!
К кому, как не к вам, незабвенным, потерянным,
горько взывать,
Отчаянно плача, отчаянно и безнадежно мечтая...
Заря, вся в огне, свои алые лилии в голубизне беско-
нечной открыла,
И гордый петух новый день своим кличем сереб-
ряным провозгласил...
Проснулись деревни, свирель сладкогласо сзывает
на жизнь, как на праздник,

Стада потекли по холмам, на которых к извечной
работе очнулись уже медоносные пчелы.
Поет тишина, и трепещут цветы, и бутоны — как
взоры святых.
И мельница, вся белотелая и неумная, речь пло-
дородья заводит,
Купаясь в волнах, ослепительной пеной катящихся
с горных вершин.
О дивное изобретенье времен баснословных, несущее
радость и градам, и весям!
По мху, как по шелку, ручьев нагота засверкала,
И камни, подобные древнему капищу, ладан струят
к небесам.
И девы, подобные мраморным статуям, с легким кув-
шином идут к бриллиантам колодцев.
Другие склоняются к розам, чтоб спеть о любви
новорожденной, вторя соловкам в саду.
Обильная жатва грядет, по-евангельски счастливы
люди.
Природа, чреватая семенем тяжких трудов человека,
а сам он, восторгом труда опьянен,
Сошлись на полях. И крылами надежды наплечные
косы блистают.
Сбывается благословенье. Сегодня — заря освящения
жатвы.
Молись за Природу, за Матерь-Природу, в молитве
уста отворяй.

Нам тысячекратной, о Жатва, явись — нам и всем,
кто на этой земле обитает.

Да будет чужак и сородич, наш друг или недруг, доб-
ряк и злодей, по желанью его награжден.

Гряди насыщением, Голод, гряди утолением, Жажда.
Нельзя не молиться об этом — такая молитва пре-
будет святой,

И Запад с Востоком, и Север и Юг, каждый род,
каждый знак, каждый труд человеческих рук осеняя.

Молитва светла и чиста, и сладка и, как ладан,
летит в небеса;

Молитва с улыбкой уста отверзают работникам в
чаянье честном.

Лобзают друг друга колосья — и ветер лобзает их все,
Снуют в золотом, чуть колеблемом море проворно
серпы земледельцев.

Снопамы, вязанками к вечеру небо сверкает земли,
А неба земля озаряется звездным дождем челове-
ческой мысли.

Кончается день и уходит, и память об утре и песнях
уносит с собой.

Попарно, быки величавые возле гумна золотую
молотят пшеницу.

Работают мельницы, светят огни, не коптя, —
Вот смысл, вот причина, вот цель, вот закон, чистота,
мощь и тайна стремительной жизни...

О мысли, о призраки, болью из ран вы сочитесь моих!

И сон мой из пепла предательской, преданной яви
родится.

Смотрите, кладбищем стали родные поля,
И хрип родников, в землю втоптаный, напоминает
предсмертные стоны.

Нельзя не заплакать с кровавою влагой ручьев, омы-
вающих черные камни развалин.

Нельзя не заплакать, терновником желтым, забившим
пшеницу, свое истязая чело

И черное карканье в мертвенном небе железною
песню внимая.

Раскинули тощие руки сухие деревья вокруг,
Как будто, под бурей, идет — и посмертно — сра-
женье друг друга казнящих скелетов.

Лесами ненастье обстало дороги, верша полуночный
разбой,

Деревни круша и срывая с крестьянских построек
прогнившие крыши,

Взрывая могилы, гробы разверзая — и в воздухе
птиц растерзав.

Меж тем из пещер вопли хищных зверей вторят пес-
не насильственной смерти...

Не стало ни жатвы, ни тех, кто пожнет, ни земли,
куда можно посеять.

Мычат, умирая, быки. Умирают, вослед за цветами,
и травы.

Соха, что в хлеву позабыта, все ждет (хоть не
будет) весны.

Петух замолчал. И заря, как армянская кровь, про-
жигает земные глубины.
Бесчисленных бедствий печальное шествие с каждой
идет стороны.
Там плачут, там бьют себя в грудь, там в отчаянье
ищут хоть признак, хоть призрак надежды.
Поля прежних жатв нынче паздны, хоть политы
кровью они.
И молятся так: «Добрый боже, помилуй голодных,
природа, помилуй голодных...»
Труп мельника пляшет в волнах, и снуют жернова,
как летучих гробов вереницы.
Ты, мельница, мелешь отныне лишь ужас, и крики,
и смерть,
Вгрызаясь в себя самое, чтоб не плакать в безумье
над ними.
Беззубые рты страшноглазых младенцев мнут сохлую
грудь матерей —
Вы, матери, вы не ослепли, но стали бесплотнее тени...
Дорога — но в пропасть, забвенье — страданьям
предел;
Но нет ни забвенья, ни смерти, хоть смерть призывают,
как раньше зывали к спасенью.
Дрожащие старые женщины в черных косынках,
ваш стон...
Над пеплом развалин под варварской кровлей
рассвета,

ИЗ ГЛУБИНЫ ТЮРЕМ

Ныне семь струн моей лиры, настроенной гневом
и скорбью,
Стоны и мысли мои, очи брата, порыв одержимого
верой
Вам принесу, вам я стану кадить, вас я стану будить,
мертвецы,
Вас, беглецы, вас, изгнанники и каторжане, вас,
узники тюрем,
Вас, в промежутках меж смертью и жизнью влачащие
смерти подобную жизнь,
Вас, кто одет не железной броней справедливости,
а кандалами позора...
Искрами бьет Воздаянье из глаз ваших вещей — но
искрами слез.
Горестно мне обращаться к вам, жалким, тоскующим,
— вам улыбаться, —
Вам ни надежды, ни вести о ней в подземельную
тьму не снеся...
Годы и годы идут; и армянские зори цветут алой
кровью заката,

Алою кровью героев, страдальцев, святых — и раз-
битых врагов,
Годы и годы идут; и армянские зори на пепле и вере
священной восходят, —
Но ни луча в вашу тьму, ни души в вашу скорбь, ни
лобзанья мгновенного уст
В ваши остывшие склепы лучом милосердия, шеп-
таньем заветного слова...
Знаю, как скалится темень безжалостных ваших
темниц,
Что за жестокие сны в черепа вам клыками вон-
зились,
Что за страданье и что за любовь, что за буря
бушует в сердцах,
Что за надежда, как небо, над вами, чей голос, чей
хохот, какое молчанье
Смешаны в адском порядке узилища годы, века на-
пролет,
Как, в голове вспыхнув болью, безумье в дрожа-
щие руки уходит, —
Вот по лугам вы идете — свободно по вольным
лугам,
Вот, как река, к вам навстречу спешит синева
небосвода...
Ваши глаза увлажняет армянской земли красота.
Ваши уста, пересохнув, к родным родникам по-
тянулись.

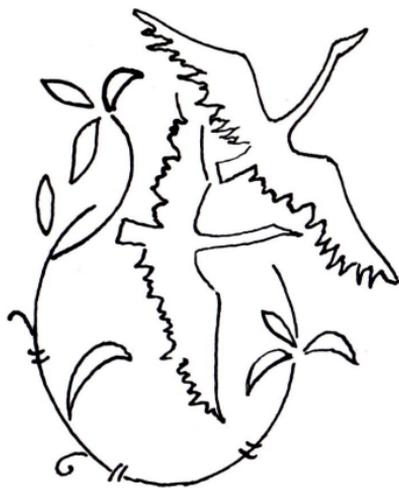
Поле пшеничное морем колышется, хлеб накапливает
волной,
Сад полон сладости ежеосенней и щедр на даянья...
Трепетом смерти пронизана тишь. Еще шаг, еще два,
еще три —
Солнца, и солнца, великие солнца тогда воссияют...
Кровь ваша в жилах кипит: где-то, знаете, ждут
ваших губ
Губы другие — и слезы готовы нахлынуть, гася сво-
ей сладостью пламя бессильных рыданий,
Где-то есть руки, перстами простертые к вашим
вискам,
Где-то есть память, есть дом, есть очаг, есть род-
ник и ручей торопливый.
Где-то есть сердце, есть радость, есть лето, есть
жизнь наконец.
Ветер судьбы, еле слышный, врата приоткроет — и
внутри вы войдете на ощупь:
Кровь у порога не смыта и ласточка с крыши поет.
Тени застывших в молитве и руки, раскрытые чуду
навстречу, —
Криком бездонным ответите вашей чудесной, как
некогда, но погребенной души,
Криком отчаянья, звоном цепей и пленением
десятилетним,
Звоном цепей на костях ваших, треском бессильных
костей...

Горе, о горе — и память, и дом, и очаг, и родник,
и родное лобзанье —
Все ниспадает в подземную тьму потаенных узилищ, —
И только здесь, где и Время само неподвижно засты-
ло, стенанья становятся истинно скорбны...
Здесь преисподняя муки, казнящей не насмерть, но
к смерти тем явственней жизнь приравнявшей,
Здесь, где Свобода глядится в могильно безглазую
темень,
Здесь, где слеза, вытекая наружу, жжет мозг изнут-
ри своим гноем,
Здесь, где в насмешку жгут мясо и кости в на-
смешку ломают, —
Здесь пребываете, злобно отторжены ото всего, чем
горели,
Здесь умираете, здесь вас казнят в темноте, —
Тех, кто однажды, в день Славы, Истории и Героизма,
Первым восстал, чтобы Зло и законы его сокрушить,
Тех, кто мечтал себя в жертву отдать на алтарь
Справедливой Идеи,
Тех, кто за нас и для нас со смертельным сразился
врагом,
Тех, кто, спасая от рабства Народ, сам попал
в непосильное рабство...
Где ж наш ответ? наши руки? решимость? оружие?
кувалды, чтоб цепи разбить?
Наша любовь? наша совесть? наш путь в подзе-
мелья? наш гнев, ниспадающий с неба?

Где они? Где и когда мы осмелимся в бездну сойти,
Чтобы ее сокрушить, чтоб разрушить, чтоб вызволить
наших героев,
Двери и цепи лобзая, — священные именем их?..
Узники, нас вы любили сильнее, чем себя, — и от
этой любви да родится Проклятье!
Где наша смелость? Где гнев? Воздаянье великое —
где?



Факелы агонии и надежды





ВИДЕНИЕ СМЕРТИ

Резня, резня, резня...
В городах и за их пределами
Перепаханы варвары кровью
Умирающих и погибших,
И над ними вороны стаи, —
С пьяным карканьем, кровь на клювах...
Суховой умирающих яростно душит,
Караван стариков и старух молчаливо
Вдаль уходит, минуя большие дороги...
Волны крови из ночи встают, вырастают,
И сквозь них проступают деревья, фонтаны,
И стада, что охвачены ужасом, мчатся
От объятых пожарами хлебных просторов...
Я на улицах вижу убитые семьи,
Вижу толпы бегущих от массовых казней.
И тропический жар поднимается злобно
От повергнутых в пламя больших городов...
И под снегом, что лег тяжело, словно мрамор,
Одиночество стынет развалин и трупов;
О, внимлите ж тележному страшному скрипу —

Ведь телеги до верха полны мертвецами —
И молитвам людей безутешных, скорбящих,
Что по тропкам стекаются к общим могилам;
О, внемлите последним словам умирающих —
Их уносят ветра, что ломают деревья...
Приближаться не надо, не надо, не надо
И к могилам несчастных, и к берегу моря:
Корабли различаю я в водах багровых,
Мертвецами заполнены палубы, трюмы;
Вижу: корчатся волны морские от боли,
Черепу различаю и белые кости...

Слушайте, слушайте, слушайте
Голос бури на водных просторах...
Резня, резня, резня...
Слушайте, слушайте, слушайте
Вой зловещий собак обезумевших —
Он с долин долетает и с кладбищ.
Люди! Окна закройте, закройте глаза,
Резня, резня, резня...

Дождливым долгим вечером
Под тем шатром, где раненые спят,
Теснятся, как печальные ягнята,
Которых вот сейчас пошлют на бойню,
Их стон похож на стон прекрасных, светлоликих,
безвинно истязаемых детей...

Готовятся друзья мои украсить
Мою могилу ядовитыми цветами...
Однажды, в бурю, жал врагу я руку
и целовал чахоточную деву...

...Но я гашу лампаду,
И на окнах
Все ставни я поспешно закрываю —
От карканья ворон
В глубокой тьме.
Давай с тобою поплывем рекой кровавой,
И до зари по ней грести мы будем
Куда глаза глядят — пока не приплывем
Туда, где ты и я найдем Покой, — и все мы...

Воют красные псы средь пустыни всю ночь,
до рассвета —
После лая в песках
От неведомой боли, что нам недоступна...
Вот и дум моих буря с дождем прекратилась;
Под холодными льдами безжалостно скованы волны;
На огромных дубах листья, раненым птицам
подобны,
Осыпаются — и умирающих слышатся стоны...
Бесконечно пустеет кромешная ночь,
И с восходом луны — одинокой, кровавой, —
Будто тысячи мраморных статуй недвижимых,
Мертвецы всей земли нашей встали —
творить друг за друга молитву...

Кровью порою сочатся в душе моей зори,
Хор умоляющих стонов смогу ль передать я словами?
Есть в ней страна всех мечами зарубленных,

жаждущих

Помощи вашей и голоса вашего, Люди!

В ней — и рожденье героев, и шествие павших

безвинно;

Ныне душа моя — дождь над телами убитых,

Взгляд, что в гробы проникает ко всем позабытым,

безродным.

Эта душа — ураган возмущенья и гнева,

Перед которым кровавые полчища пятятся в страхе,

Яростно кладбища вывернуть недра готовы —

Чтобы весь ужас пред вашими вырос глазами;

Чтоб, равнодушные, вы наконец увидали

Гордых страдальцев, что, жизни для вас не жалея,

Самоотверженно и добровольно погибли...

Смертоподобная осень — душа моя — стелет туманы

И листопад свой, который агонией дышит.

Но ведь она же — и Красный Отчаянный дух,

ради светлой Надежды готовый

Словно апостол погибнуть, грядущие видя плоды...

ПОХОРОНЫ

В лес я вернулся, скиталец, надежду и кров потеряв,
Чтобы облобызать умершего друга.

Лебеди были со мной и олени были со мной, —
Внятно им горе дерев и озер — и души моей горе, —
В зимнюю полночь в лесу схоронили его.

Тело его было тяжело плечам моим, столь изнуренным
под бременем жизни,
Смерть его представляла загадкой моим изумленным
глазам,

Лебеди пели божественно чисто на тризне,
Я вместе с ланями выкопал яму в земле...

Все деревья, взявшись за руки, в путь этот скорбный
его провожали,

Паникадиллом железным — чужим для древес —
Смерть махала в озябшем лесу,
Все города, где стоят с колокольнями храмы, наш
плач подхватили;

Долог был звон и зловещ, хоть и благочестив.
В ночь опустевшую и овдовевшую, в солнце пре-
зревшую ночь говорили:

Друг — вместе с ланями и с лебедями озер —
Друга хоронит под сенью дерев,
С причитаньями ветра ночного.
Знайте, что все города, где стояли высокие коло-
кольни,
Ныне разрушены вражьей рукой, тяжким часом,
Лани все пали, все белые лебеди пали, в угарном
чаду задохнувшись.
Колокола замолчали и слава былая померкла,
Только душа, душа друга, душа безутешного друга
Не очерствела в кругу похорон и смертей,
Узницей в ужасе зимнего леса стеная...

МИЛОСЕРДИЕ

Боже, злодеев и ужас карающей стали отринь
От изголовья больных и покинутых...

Бешеным водам вели укротить их напор,
Чтоб обреченные в утлых лодчонках изгнания
Гибли, хуля тебя, но не чрезмерной хулой...
Ведомо мне: несть числа обездоленным кровам,
Где благородные семьи, молитвой взывая к тебе,
Ждут золотой, им обещанной Ветхим Заветом

пшеницы —

И твоего милосердия непреходящего ждут.
Нивы в огне — то содеяли духи геенны...
Кровь льется долу с вершины твоей, Арарат.
Адским серпом янычар озаряется мирное небо —
Жизни безвинных погаснут при свете таком...
Ангелы ль это твои, в занебесье эдема,
Сеют рассеянно, взяв из амбаров твоих,
Сеют на земли, благие под солнцем и ливнем,
Сеют на наши главы семена погубленья, —
О, как безжалостно, где же твое милосердьё, —
Сеют ту смерть, что над нами назавтра взойдет.

ЛИШЬ КРОВЬ КРУГОМ

В пепел забвенья зарыл я тебя, любовь.
Себялюбивое, своекорыстное чувство,
Нет, я не сплел в честь тебя ни лавра, ни лиры,
Нет, ни единой я песни во славу тебе не спел.

Пел не о вас я, небесная синь и сияние солнца,
Хоть безмятежна она и всемогуще оно,
Не о тебе, о Восток, страна мудрецов и бессмертья,
Кладезь легенд, корень святости, ризница
наслаждений...

И не о вас, грады Запада, с зодчеством вашим искусным,
Не о языческих чашах, не о титанической мощи морей,
Не о тебе, о Рассвет, как бы ни был ты чист и прозрачен,
Не о тебе, о Закат, горечь сумерек, страны пустынь —
не о вас!

Ночью, во сне, мне явился давнишний поэт и сказал:
— Боль твоя ведома мне, я и сам страдал в вашей
юдоли,
Но не страданье я пел, а любовь; о любви, для любви

Я рассыпал лепестки из садов моей лиры.
Ах, те увяли цветы, Осень настала моя — а потом
отошла и она.

Пел я вино в золотистом прозрачном бокале,
Пел о тоске соловья — и звучало под стать соловью, —
Пел — и курил фимиам под ногами божеств, каким
кланялось Время,
Пел — и, желая страданье избыть, посыпал себе
пеплом волосы.

Пел о красе человеческой плоти — из мрака во мрак
уходящей, —
Милому праху земному, глазам и губам, я свое
поклонение пел.

Пел о слезах, неизбежно венчающих влагой дождей
наше краткое лето

И, наконец, я ушел, вам оставив лишь Леность
впридачу к Тщеславию в дар...
— Истинно ль так, о Поэт, — я ответил, — ведь дни
наступили другие:

Дни исполинской борьбы и мучений, не виданных
миром нигде, никогда.

Тысячи трупов — и тысячи сабель — и слабость,
постыдная слабость, как цепи твои мне разрушить?
Кровь лишь кругом, только кровь перед взором, лишь
кровь кругом.

МОИ СЛЕЗЫ

1

В долах Отчизны я с грезой моей чистокрылой
блуждал, одинок.
Легкой была моя поступь, как бег беложавый молодого
оленя.
Радости полон я был, днем земли и лазурью небес
опьянен.
Золотом веры сияли глаза, бег в душе был, неистовость
бега...

2

Лето, как некогда, щедрое тяжесть плодов уготовило
глуби корзин,
Каждое дерево в нашем саду своей милостью нас
одарило.
Ива — бесплодна ли?.. Я из прекрасных ветвей
Срезал одну для свирели, для песни своей потаенной...

3

Пел я... Ручей, что алмаза светлей, нисбегающий с гор,
Птицы Отчизны, родник, исцеляющий жажду,

Утренний ветер, безмерно похожий на кроткую ласку
сестры, —
Все они вторили пению ивовой ветки, свирели...

4

Этою ночью, во сне, я коснулся тебя, как возлюбленной
плоти, свирель.
Губы мои поцелуем любви незабытой тебя угадали.
Память проснулась — и силы не стало блаженство
напева продлить, —
И вместо песни слеза за слезой по свирели моей
побежали.

С ПЕСНЕЙ ХОЧУ УМЕРЕТЬ

1

Сладость надежд моих, сладость мечтаний, — я с ней
одинок был в тот вечер.
Судьбы Отчизны я взвешивал — чаша Странанья
и чаша Спасенья, — о, эти весы!..
С черного хода, сквозь ужас ночной, постучали — и
дом содрогнулся.
Друг, улыбаясь, вошел; был прекрасен армянской
красою, но грозен и пасмурен ликом.

2

Молод он был. И, как звезды небесные, сыпали
искрой глаза.
Был он изваян из мрамора, белым туманом решимости
восстановить справедливость объятый,
А на челе цветы боли и блага цвели...

3

Рядом воссели мы, речь заведя все о том же — о скорби
Отчизны.
И голова от мучительных дум стала черно-красавой,
как сердце сраженного в битве героя...

Взгляд его, мглой запечатанный, ту же печать над-
ломил на моем;
Наша печаль, меж двух душ восставая, сияла
немеркнувшим светом.

4

Так он молчал. Так молчал я. Так длилось часами.
Одни воспоминания наши глаза увлажняли...
Лампа курилась не синим, но сине-кровавым огнем;
Негодование, ты — сон, ты, чуть утро придет,
исчезаешь...

Вдруг он восстал, гордо голову вскинул, схватил меня
за руку, поднял рывком и сказал:

5

«Это был вечер прощанья, прощанья и веры.
Конь мой оседлан; горячий, он рвется в сражение,
он ржет у ворот в нетерпенье...
Меч обнаженный на чреслах моих призван узел судьбы
острием воздаянья рассечь.
Дай поцелую тебя на прощанье!.. То вечер прощанья,
прощанья и веры!»

6

В битву иду я, а ты напиши по весне о страданиях
наших, сражениях наших и памяти нашей стихи
В дар поколениям грядущим и нашей давнишней
печали.
Я, сирота, отомщу за отца, ты останешься здесь, я
погибших своих разыщу...
Песен в дорогу мне дай, ибо с песней хочу умереть».

ВО ИМЯ НАДЕЖДЫ

1

Когда ты придешь и откуда, когда озаришь нас,
Надежда,
Светом своим? О, когда? Чтоб и я протянул изнуренные
дрождью тоски и томленья персты
К зорям твоим? К их багряным шафранам? С моленьем
о жизни,
Чтобы лучам их подставить, как влаге животворящей,—
глаза, впервые свободные?

2

В мир наших душ из каких океанских глубин будешь
лить неземное волнение?
Сколько морщин ты разгладишь на чахлых и горестных
наших щеках?
Сколько улыбок подаришь — и ангельски-чистых
улыбок, —
Сколько ты вздохов угасишь и сколько стонаний
уймешь...

3

Станет наш край пепелищ цветником, райским кушам
 подобным, в цветении неуязвимым,
 Слезы кристальных ключей, слившись с плачем
 пастушьим, напевом тогда обернутся;
 Вместо дождей небо звездное землю оденет потоком
 эфирного света;
 Агнцы родятся на пастбищах возле прохладных
 ручьев...

4

Самая нежная дева свой ладан чистейший, цве-
 тенье свое пред тобою рассыплет...
 Лжи и насилья кумирню разрушим и храмы Тебе
 возведем.
 В вечном сиротстве мы жили и в трауре вечном
 по нашему счастью;
 Ныне — наденем зеленое, враг будет в черном, ске-
 леты в лесу вопиять перестанут.

5

Листьями лета, сплетя их в венки, я чело мое, скорби
 презревшее ныне, одену,
 Радужный ветер рубаху мою, как орлиные крылья,
 взметнет...
 Лиру свою расписную сжимая иль светлое тело
 свирели к губам прижимая,
 Нектар богов буду пить, золотое вино буду пить...

НОЧЬ

Опустошения ночь...

От дальней колокольни слышится звон смерти.

Он сводит с ума.

За дверями ледящий ужас бойни.

В глубоких и грязных ямах, на грудах пепла,

Вдовы коленапреклоненные молятся...

За этими стенами — застенок. Здесь прославляется
лживое молчание...

И падают вниз тени пещер, как пьяные, бесноватые
Толпы преступников...

Свет в окнах, словно страдание опустошенных глаз,

И кажется, что звезды тонут в кроваво-алом мраке.

О, необходимо сострадать одиноким этим душам, —
они боятся,

Подобно цветам, увидавшим глубины вод.

Больше всех сострадайте больным,

Парализованным, обезумевшим, —

Пусть они покинут эти места.

Смотрите, все стойкие, живучие, оторванные от

земли,

Над снами, над вспять бурлящей рекой,
Заполонив собою все окрест, в село спешат...
О, этот скрежет кости и сабли,
Зов растерзанных тел, в агонии корчащихся,
Глухо отзывающихся
Под грозными сводами гор!
И от их пристальных глаз,
И от скрежета их зубов, словно грызущих мрамор,
И от воя шайки воришек, бреду подобных,
Все они
Лишь смерть и кровь воспевают...
Их слова, подобно вскрытым ранам,
Плотно легли на камни, покрыли все окрест...

Ночь варварская, кровотокающая...
О, немедленно падайте ниц, молитесь, вы,
Сердечные братья, осужденных к смерти.

Барс приходит так, что все село просыпается в ужасе...
А после все тела сплетаются между собой,
И сплетаются взгляды и взывают о помощи...
И все руки простерты к небу, милости просят...
И каждый возвещает печальную весть: «Господи!
Господи! Господи!»

Невозвратная ночь, опустошения час...
Торжественное представление воронов над селом...
И вместе с воронами белые призраки орлов...

И все кварталы похожи на угольные шахты,
И воздух дышит кровью и пеплом резни...
Трупы, трупы с отрезанными головами,
И мятущиеся безголосые взоры демонов
Вдоль черных стен...
О, слушайте,
Слушайте всхлипывания агонии этих несчастных...
Как бесконечно они похожи на изуродованных
лебедей,
И как страшно им, что они полутрупы, и как страшно,
что друг друга они узнают.
А те, кто желает спасти родных,
В монастырях обезглавлены...
Палачи затопили все пороги кровью и пустили ее
На беспомощные души этой осени тихой,
И вот все прозрачные водоемы садов,
Где сейчас
Под знаком взывающей крови, —
Богоматерь, Раздумья, все необъяснимые Любви
Незримо должны появиться...
На кладбищах, сквозь рассвет,
Стародавние призраки нестройно запели:
«Мир тем, кто не имеет могилы,
И мир тем, кто мучается в предсмертный свой час...»

1899
Париж

Жизнь напролет я крещение страшное здесь при-
нимаю,
Лиру мою, и перо, и свирель, — но и меч мой все в той
же воде полоща.

4

Истины ищет душа, сострада сей праведной боли,
но в книгах кровавых завяла...
Столько годов, столько солнц — струны лиры моей
всё влажны...
Сжальтесь над братом, простите перстам его, —
пусть грянут песни,
Пусть мои слезы падут, пусть труба созывает героев,
Ведь справедливость Возмездия так далека, небо
Истины, чуть в него глянешь, — бездонно...

ВО ИМЯ ИДЕИ

В дар тебе — пламя светила дневного,
В дар тебе — кровь наших весен;
Груды костей мы сожгли — дым, как ладан, плывет;
Слезы и гнев, скорбь, но также надежда — морями
Ноги твои омывают, Идея...
Ты исполинская, Ты богатырская, буреподобная Ты,
Крыльями ветра тебя наделила природа,
Чтобы к победе летела ты —
К той, что сулит
Мрамор бессмертия...
Стоит тебе оседлать скакуна своего,
Стоит промчаться навстречу единственной цели —
Дум своих Истине, битве за них, —
Как встают из могил
Мертвые наши, мучительство смерти отринув,
Дабы еще раз геройскую смерть претерпеть,
И говорят тебе:
— Правь нами снова, Идея.
Ты победила — и это воистину так,
Но поражение в наше жестокое время
Для армянина — закон,

Горе ждет его и поражение,
Ибо само Мирозданье устроено так...
Мы, мертвецы, тебя вновь закликаем:
Идея, восстань на вершине
Гор наших самых высоких, на Арарате восстань,
Молотом воли лес молний из тверди его высекая, —
Как наковальня да станет вершина его, —
Чтобы мечи золотые сковать, —
Наделить ими рвущихся в битву, —
В битву во имя тебя,
Не жалея ни пыла, ни жизни самой...
Выслушай нас, ибо смерть мы под стягом Идеи
прияли,

Пролили кровь за тебя, —
И на лезвиях чудо-мечей
Высеки алый девиз твоей вечной решимости:
В дни Справедливости станьте,
Чудо-кинжики, напоенные вражеской кровью и нашим
несчастьем,

Лесом оливковых веток!
Но прежде, но прежде, но прежде
Молнией будьте, разящей всегда и везде
Всех, кто еще раз на племя Армян покусится!..

ВИДЕНИЯ СТРАДАЮЩИХ ПРИЗРАКОВ

Призраки во сне сказали мне:

— Ты, отрок, черным шелковым покрывалом,
Словно в саван, закутайся...

А из досок кровати

Сколоти себе гроб...

Ибо в эту ночь в последний раз блеснет

разящий ятаган...

Последний меч против тех ятаганов, — последний
невинный падет...

Тем покрывалом, повторяю тебе,

Словно в саван закутайся, поэт.

А мне на стол, что из черного дерева, —

На черный стол кто-то поставил

Огромный кубок, полный ужасов...

— Скажи мне, — я крикнул, — ты, хрусталь гнева.

Ты, что равен своей чистотой глазам демонов,

И глубок, словно моя боль...

Скажи ты, златокованный кубок,

Ты, что создан солнцем и звездами.

Скажи ты мне, неумолчный кабак,

Ты — плоти и мысли порочный круг...
Скажи ты мне, кубок ужаса,
Обожженный из праха предков моих...
— Скажите вы мне, из чего вы сделаны, —
Из золота, хрусталя или из горсти нашей земли.
Скажите мне, что это за пенистая жидкость,
Клокочущая, словно закат, в темноте кромешной,
В этом кубке странном,
Что на столе моем.

— Скажите мне, — я крикнул, — Ты — Ангел, Ты —
Призрак, Ты — Химера,
Почему черпаете кубком сиротство мое, — вы —
Ночные бессонные Призраки.
Скажите, кто вы? Никогда не просыпайте
На черное покрывало моей кровати
Эту тяжелую землю кладбищ. Не сыпьте...
Больше не просыпайте эту желтую дьявольскую
землю кладбищ...

Ах, аромат этой земли
Я в тоске своей узнаю. Не просыпайте...

Кто вы?

В ночи темные крылья расправил срашный призрак,
Словно эту самую ночь он на крыльях принес.
И сказал он мне:
— Черное покрывало, словно саван. на твоих плечах.

Ты, что далек от суеты, ты — болезненный, ты —
Лиры раб,

Возьми в руки этот кубок ужаса.

Мир — миром, справедливость — справедливостью,
но ты

Неустанно и мрачно иди вперед;

Стучись в каждую дверь, и мучай сердца

Лирой своей...

— Вот вам от Рода моего последний кубок с кровью...

Выпейте это до дна,

Если вас еще мучает жажда...

1911

ПЕСНЯ РЫЦАРЯ

1

Солнце всходит, мой конь, наступил отправления час;
Ты постой, вот сейчас я в лучистое стремя вступлю;
В твоих мудрых глазах — отражение Цели моей,
Как ликует душа! Осени тебя счастье, скакун!

2

Еще легок, и гибок, и строен мой стан молодой,
И отважным орлом я сегодня взлетаю в седло...
А ячмень золотой — для тебя я его не жалел —
Полнит силой шальное упругое тело твое.

3

Только рысью ты должен стремиться вперед, мой
скакун,
Из-под медных подков будут искры вставать, как
цветы,

Пусть нас бег опьяняет, пусть в сердце героизм
живет,
Будем ветер мы пить, быть как ветер крылатыми
нам!

4

Полетишь — и преграды расступятся перед тобой,
Под копытом твоим будут грешные стыть города,
И вороны, чернея, испуганы скачкой твоей,
В облаках, в облаках будут места искать для себя.

5

Бросим грустную землю, помчимся меж звезд,
высоко;
Нипочем тебе пропасти, груды камней нипочем,
Нет преград, нет препятствий, что могут тебя за-
держатъ,
В нетерпенье готов ты далеких достигнуть вершин...

6

Быстроногий мой конь, беломраморный гордый кумир,
Ты же знаешь, что я всей душой обожаю тебя,
Огневая идея мое озаряет чело,
Так неси меня к цели—я раб твоих звонких шагов!

7

Раб шагов твоих я, о дитя несмолкающих бурь;
Быстрокрылый и мстительный, должен ты мчаться
вперед,

Гневно я ненавижу тоску передышек пустых;
Нам — вершины, тебе — долгожданный победный
венец...

8

Конь мой беломолочный, кипит твоей жизни огонь,
Водопадом сверкающим твой низвергается хвост,
Две зажженных звезды—два блестящие глаза твои,
А подков твоих грохот до ужаса страшен врагу!

9

Ты же знаешь — я раб твой, что жаждой свободы
томим,
Так от этой границы на юг меня мчи, как мечта.
Арапат с его славой оставь позади, Арагац, —
Мы оденемся, конь мой, и в солнце и в кровь,
ты скачи!

10

Я хлыста не держу, и всегда ты свободен, скакун,
Словно белую лилию, грудь я ласкаю твою,
Я несу тебе нежность в ладонях, я сладость ее
По сияющей шерсти твоей разливаю, как мед.

11

Нет узды на тебе, не мешают тебе удила;
Прядь довольно из гривы всего-то одну ухватить;

Для чего стремена, что напрасно стесняют коня?
На тебе лишь седло — как блестит в жемчугах
серебро!

12

Я тоскую, тоскую по милым долинам своим,
Но под светом созвездий, скакун мой, не сдерживай
шаг,
По пещерам, ущельям ты тенью мелькай на ходу —
Между темных лесов, виноградных давилен, садов...

13

И кто знает, у рощи, быть может, красавица мне
Поднесет виноград и вина золотого глоток,
И поймет мою душу и мне улыбнется сестра, —
Нет, мечтать не хочу, остановок не знай, мой скакун!

14

Ты по райским местам моей родины должен лететь:
Чтобы снова услышал я песнь соловья, соловья...
Тосковал я, скиталец, годами по запахам роз...
Ах, тоскую, тоскую... Не знай остановок, скакун!

15

Вдоль дорог наших, может, вставать и вставать мерт-
вцам...
В белых саванах, будут тянуть они руки ко мне...

Подойдут они, может, и на ухо будут шептать
О любви, об отмщенье—не знай остановок, скакун!

16

Я пугаюсь руин и беспомощных в горе людей,
Так не стой, мой скакун, у седых пепелищ городов...
Слезы, ближнего слезы безжалостно душат меня,
Боль и слезы чужие свести меня могут с ума!

17

Ты не стой возле мертвых, их столько сегодня кругом!
Прочь от кладбищ беги, от белых печальных могил —
Потому что, скажу тебе правду, мой конь, не могу
Видеть родины гибель в бесчисленных этих смертях.

18

Как прекрасна земля, на которой рожден я и рос,—
На ресницы мои набегает невольной слеза,
Но ронять я ее не хочу—так лети же, мой конь,
Торопись, быстрокрылый: моя не для слабого цель!

19

Бэт Евфрат зашумел! Что так грозно грохочешь,
Евфрат?
Я, дитя твое, здесь, почему ж твои воды темны?
Иль забыл ты — я сын твой? Узнай же меня, не шуми,
Вместе нам рокотать, только волны свои успокой...

И сейчас память детства в душе моей кровоточит:
 Вновь, мечтательный юноша, я у твоих берегов —
 Опьянен этим солнцем, исполнен прекрасных надежд...
 Но о чем это я? Ты не стой, мой стремительный
 конь!

Глянь на пышную осень, что гаснет печально вокруг;
 Вот желтеющий лист на мое опустилсЯ чело:
 То ль предвестье кончины, то ль веры достойный
 венец?
 Но не все ли равно? Мчись с Евфратом наперегонки.

Иль ужасной судьбы опустилсЯ последний листок?
 Но не все ли равно? Так не знай остановок, мой конь!
 Слышишь, люди повсюду мои повторяют слова:
 «Мчись свободно, Идея, в пути остановок не знай!»

Я люблю тебя, конь, ты и вправду несешься звездой,
 Ты как молния быстр и свободен, подобно звезде...
 Вместе с ветром парим мы с тобою смелее орлов,
 Я — твой рыцарь и раб, ты возвысь меня, к цели
 приблизь...

С этих грозных заоблачных, с каменных этих вершин
 Ты взгляни — водопады блестящие рушатся вниз;
 Белопенные струи я с телом твоим бы сравнил,
 С диким бегом твоим—этот бег величавой воды...

Что же тело твое под мою трепещет рукой?
 Что случилось, скажи, отчего, богатырь, помрачнел?
 Посмотри на меня и волненье свое погаси—
 Лишь штурмуя горизонты, тебя умоляю, скакун!

До меня долетают рыдания, стоны, мольбы —
 От разрушенных хижин, от черных руин городов,
 Но что пользы бессильно стоять перед горем людским?
 Как избежать его? Ты не знай остановок, мой конь!

Мы с тобою сквозь ужасы мчимся—без слез на глазах,
 Сил, мой конь, набирайся, не знай остановок, не знай!
 Буду Факел Надежды я жечь и держать высоко,
 Передышка — смертельна, не знай остановок, не знай!

Я услышал, держась на стремительном крупе твоём,
 Как подковы твои, рассыпавшие искры во мгле,
 Столько раз, столько раз по людским прохрустели
 костям
 И зияли глазницы, — ты видел, скакун, черепа?

Я-то слышал, как кости хрустят под копытом твоим,
 Но молчал. Я безгласен. Не знай остановок, мой конь!
 Я в душе своей плач, словно в бездне глухой, схоронил,
 Пусть живет только гнев, ты не знай остановок, не
 знай.

Белый мраморный варвар, лети и сомнений не знай,
 Ты же ведаешь сам: горе жизни слезой не избыть...
 Должен в колокол гнева без устали бить идеал,
 Звать должны журавли нас, — следи за их криком,
 следи!

Но куда же ты скачешь? Иль сбился с пути, мой скакун?
 Видишь, в пепле поля и сплошные руины вокруг?
 Как туман, мне стесняет дыхание серая тень,
 Горы ужаса перемахни побыстрее, мой конь.

Я глаза твои, конь мой, ладонью прикрою сейчас,
 Лишь не стой — тут ведь кровь, Краснота, Краснота,
Краснота...

Свой платок головной я на веки, страшась, опустил, —
 Ты не стой, что за польза, ответь, безнадежно стенать?

Кровью лира моя истекала когда-то, скорбя,
 Но отныне я плач ненавижу, мой Дух — это ты!
 Ты мятежен и славен, я князь твой сегодня и раб,
 Эти формы твои обожали Эллады мужи...

Ветра вой вдалеке мне звучит боевою трубой;
 Как отряды бойцов, встали на ноги наши леса.
 Пробуждает твой топот величие старых надежд...
 Гибнет давний закон, давним время почить голосом...

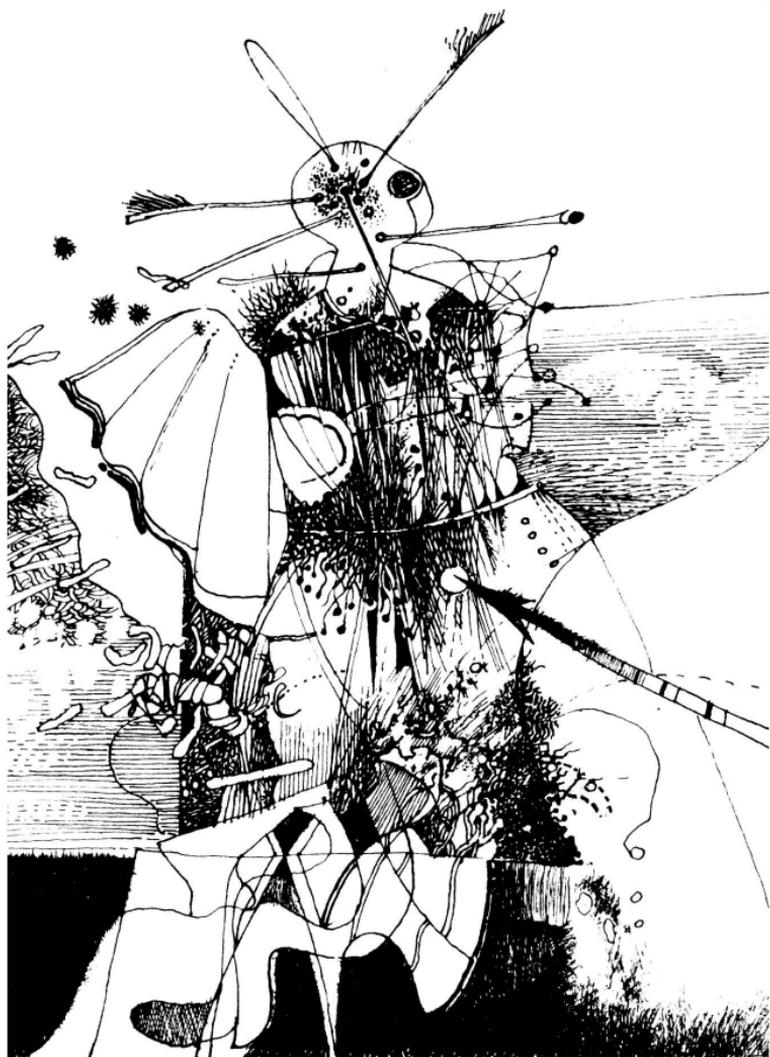
Плоскогорьем широким мы будем скакать на заре —
 И мятежников новых увидим, героев, бойцов,
 Сыновей наших мук, кровь впитавших с веками
вражды,
 С этим гневом они, с этой кровью хотят умереть!

Снаряжаю тебя. Я с оружием, мой факел зажжен.
Мчать как буря хочу. И земля справедливости груз
Под лучами зари, обнаженная, жаждет нести...
Пусть же искры Надежды рассыплются из-под копыт!



*Кровавые вести
от друга*





*Ресницы увлажняются каплями слез,
но не хочут их проливать, не останавливайся
(друг)...*

ТРАУР

Ты — печальный незнакомец, иль ты — мой душевный
друг,
Шагающий по дорогам сегодняшних пиров,
Внемлите моим словам одиночества и скорби.
Я знаю, что ваши невинные стопы еще влажны от
крови единокровных...
И к благородной розе свободы, что от боли вашего
рода
Под небом вашим несчастным расцвела наконец-то,
Чьи-то чужие руки тянутся, желая сорвать ту розу...
Но вы позвольте людям пьянеть от аромата
Божественной розы, чтобы слезы мужества, радости
омывали их лица...
Позвольте — и тогда придут и далекие, и близкие,
и неблагодарные
Пред богиней Справедливости, изваянной вами,
свой ладан воскурить.

Но позвольте еще, о гордые и героические сеятели
свободы,
Чтобы ваш урожай золотился в привольных полях,

А косари безвестные жали вашими же серпами...
Ибо я знаю, что если и погибаете, Скорбью гонимые,
Однако рождены вы для мудрой добродетели.

По проспектам пиров, как Страдание, вы проходите
грустно,
Оберегая счастливых, чтобы они не заметили в ваших
глазах

Жуткую картину сражений, пепла и трупов...

Пощадите путника — справедливого или же злого,
Что не смотрит в ваши глаза, —

Ведь страдания армянской души я всегда находил
лишь в армянских глазах.

И так по дорогам пиров вы проходите дружно,

Но пройдите вы строго, без единой слезинки,
без смеха.

Слезы вам не нужны — величие вашей тоски они
не должны осквернять, —

Ведь слезы для души побежденной — ничтожны и
глупы,

Для победителя же суетная улыбка — морщины, уро-
дующие лицо.

Ты, как всадник смерти, вуалью скрытая армянская
красавица,

И ты, отрок, чьи черты скорби полны, —

Спешно минуйте эти дороги никчемные.

И спросите вы: «Откуда здесь столько света, и что
это за лжепохороны,

И что за сброд вокруг, и что за пляски и ликования,
и что за пиры повсюду...»
Наши кровавые иллюзии, подобны факелам побед,
А кости наших братьев в свирели превращены,
И там поют чужие и странные песни...

Но вы не ужасайтесь — незнакомая сестра моя, и брат
моей судьбы,
Созерцая звезды правды, вы верьте им и стремитесь
вперед,
А закон жизни пока таков — люди не смогли понять
людей...
И в этот вечер в двери ваших домов, жалких иль
отделанных мрамором гладким,
До наступления заката все как один вы должны войти,
Безмятежно должны запереть ставни ваших окон...
Заприте их пред лицом человечества, пред ликом
вашего бога...
И знаю я, что от единственного ужасающего стенания
вашей души
Погаснет свеча, горящая на вашем же столе...

10 июля 1909 г.

ТАНЕЦ

— Сдерживая слезы из голубых своих глаз,
На поле пепла еще умирала армянская жизнь, —
Так рассказывала немка, очевидица нашего горя.

— Эту ужасную, невыразимую историю
Я видела своими безжалостными человеческими
глазами,

Стиснув зубы от гнева и боли, из окна
Своего безопасного дома.

...Вот этими жестокими глазами...

То было в городе Партез, что обратился в руины
и пепел...

Трупы... Трупы сложены были до верхушек деревьев,
А в ручьях, родниках на дорогах доносилось
Журчание вашей непокорной крови, и теперь
Зовущее к мести.

Не содрогайтесь! Я вам расскажу эту историю,
И пусть каждый поймет злодеяния человека пред
человеком.

Два дня они лежали на кладбищенской дороге
Под жарким солнцем —
Человеческое зло перед человеком, —
Пусть узнают сердца всего мира...
В воскресенье то было, смертоносное утро
над трупами плыло,
Я же в своей обители
С вечера и до восхода солнца
Над умирающим телом юной армянки,
кинжалом сраженной,
Своими слезами смертельную рану увлажняла...
Послышались крики, и черная скотоподобная толпа,
Исступленно избивая двадцать невест,
Раздевая их, распевая вульгарные песни,
Неожиданно остановилась в саду.
Оставив полумертвую в кровати, я подошла к балкону,
И адское око окна мне открыло мерзейшую сцену...
Толпа неистовствовала, толпа вопила, она плевалась
слюной.
Дикарь кричал: «Они должны плясать, должны плясать под звуки
Нашего барабана. Они должны...»
И свист плетей, и крики ликования, —
И корчатся тела невест, тоскующих о смерти, —
Лишь смерти желали они...
И двадцать девушек юных, за руки взявшись,

Нестройно начали танец, и капали слезы, как кровь
Из ран незаживших...

Ах, как я позавидовала ей, услышав спокойные звуки
Слов красивой армянки, ибо, проклиная небосвод
безграничный,

Она лилию души своей горлицы к звездам отправила...
Я же тщетно толпе кулаком погрозила.

«Должны плясать, должны плясать, неверные,
Должны плясать с открытыми грудями, безропотно...
Должны плясать, улыбаясь... Должны плясать
Без устали, до самой смерти.

Распутно, сладострастно, голые, —
Должны плясать, ибо стыд не для вас,
Ибо вы рабы, ибо наши глаза
Жаждут вашего тела и смерти...

Мы вашей смерти хотим!»

И пали наземь они, пали, чтобы больше не встать.
«Встать!» — орала толпа, толпа пребывала в экстазе,
И сабли блеснули, словно змеи, в саду.

Принесли кувшин керосина, — чернь ликовала...

Облили всех...

О, человеческая справедливость, дай мне плюнуть
в твое лицо!

«Должны плясать! — гремела обезумевшая толпа. —
Вот вам

Благовония, каких даже в Аравии нет...»

И факелами подожгли невест истерзанные тела,
И корчились они, и смерть предстала перед ними...

Я в ужасе захлопнула ставни, и к телу мертвой
подойдя,

Спросила печально:

«Скажи ты мне, как выколоть мои жестокие глаза?..»

.....

Ибо уже ночует в теле его бред подземной жизни,
И вырыта яма смерти, глубокая, как преступление...
Надо спасать свою грязную душу — близится воз-
мездия час.

И старик твердым, отметающим память шагом
Поднялся в свои покои, и отдал приказ...

В роскошном зале расторопные слуги суетливо
забегали,
И на шелкотканый ковер (на ковре нарисованные
соловьи пред розой душистой свою оплакивали
любовь)

Подали кресло из черного перламутра.
Старик, одетый в благоухающий лилиями кафтан,
Молясь, степенно к креслу подошел.
Большая семья, включая новорожденных внуков,
На коленях на цветастом ковре
Ради этого ритуального праздника устроилась
вкруг него...

Чуть погодя два эфиопа — два белокурых парня
из города Тарсон,
В чулане дворца, где должно было родиться новое
зверство,
Обнажили отрока армянского и вынули сабли из
роскошных ножен...
И от ужасающих конвульсий отрока
Содрогнулся даже дворец.

Сверху спустилась с красивым, как статуя, телом
женщина,
В вуали черной, и к старцу подойдя, почтительно
склонив лицо,

Она сказала:

— Выполнен ваш приказ, я не стою и пыли ваших ног...
Чьи руки смогли бы искупить чашу, налитую вином
золотым?

— Несомненно, последний плод той преступной
армянки,

Из-за которого я потерял вечность неба...

Один из внуков держал в руках на серебряном
блюдце златокованую чашу...

Со счастливым лицом он приблизил к губам своего
деда

Ту чашу, и не содрогнулся старик в черном, как
смерть, кресле,

Лишь жадно сжимал в зубах благородный металл,
Пред раем, о котором в молитвах мечтал, с улыбкой
слабоумной

Спокойно и твердо отдал неожиданно свою черную
душу...

Но ни одна капля крови, братья мои,
служители Справедливости,

Ни одна капля не упала на лиловый кафтан

Из его ненасытного и дряблого рта.

Ни одна капля, ни одна капля, кричу я вам!

КРЕСТ

Ужасен будет мой рассказ.

Рука дрожит, я трепещу...

Я, повидавший столько бед

и столько страхов, содрогаюсь...

Но ты прости меня, мой друг,

единомышленник мой давний,

Прости, что вновь разбережу

твою тоскующую душу.

Хочу я зеркалом предстать

перед тобой, где кровь армян,

Многострадальная юдоль

родного нашего народа,

Которого в столь тяжкий час

сей мир предательски оставил

На произвол судьбы, весь ад,

нас поглотивший,— отразились...

Хоть и дрожит моя рука,

как ветвь, колеблемая ветром...

В ограде церкви это было,

В один из страшных дней резни —

кровавопролитной и жестокой...

Жгла свечи, ладаном курила,
и то молчала, стиснув зубы,
То, возводя безумный взор
на купол церкви безответный,
Просила, требовала даже:
«Даруй мне сына или смерть».
Господь не внял ее мольбам,
ее молитвам, и тогда
Она пошла, еще надеясь
на чудо некое, к злодеям.
Пошла, поверглась к их ногам,
рыдая, перецеловала
Кривые сабли их, молила
отдать ей сына дорогого,
Отдать ей сына дорогого
взамен очей ее и сердца...
В ограде церкви, кроме женщин,
оплакивавших мертвецов
В разбитых наскоро палатках,
и многочисленной толпы
Сирот и вдов, старух и старцев,
немало было изуверов,
Тех, что несли разор и смерть
и крови праведной алкали.
Бесчувственные палачи,
они кружились, как гиены,
Среди невинных этих жертв
невежества и безрассудства,

Они поспешно подошли
к едва стоявшей на ногах
Страдалице и, поклонившись,
подобострастно изогнувшись,
Сказали: «Ну, сними жилет,
дай нам и жди, пока вернемся...
Нет, не жилет, сними рубаху, да поскорей...
неужто стыдно?
Тебе такое в этой церкви
приличествует наказанье...
Какой на редкость нежный шелк!
Не ты ли вышила на нем
Цветочки эти?.. Вот и всё.
Один момент — и мы вернемся».
И правда, варвары вернулись через минуту,
но злодеи
Вернулись к матери, чтоб ей,
намучившейся, показать
Ее с цветочками рубаху,
омоченную свежей кровью...
— Не это ли твоя рубаха?
Твоя. Хоть и другого цвета.
А этот запах — узнаешь?..
Что ты за мать! Вдохни его...
Не злись на нас, твой сын — счастливец, —
он опочил на алтаре.
Там свечи были зажжены
и скатерть чистая белела...

Теперь нам нужно начертить
ваш крест... Эй, вы, несите гвозди!
Где молотки?.. Пора начать,
пока рубаха не просохла.

Тогда один из палачей,
возликовав, вскочил на стул,
И перед матерью счастливица,
при кликах скопища убийц,
Ее неслыханной рубахой,
окрашенной сыновней кровью,
На темной каменной стене
изобразил Виновный Крест...
И обреченные на гибель
сироты, вдовы, погорельцы,
Увидев этот алый крест,
оцепенели, онемели,
И всяк рукой своей дрожащей
закрыл глаза, чтобы не видеть...
Но некто в черном, тыча пальцем
в изображение креста,
Твердил: — Утешься, мать, молись,
встань на колени и молись.
Сей крест — святыня из святынь,
ибо на нем кровь Иисуса.
Встань на колени, говорю,
встань на колени перед сыном.

Вот гвозди, вот и молотки...

Молись, не то распнем тебя.

Скажи, упрямое создание,

а в воскрешение ты веришь?

О, если нет, твое спасенье

в том, чтоб и день и ночь молиться.

Молись же, глупая, молись...

Они зашвырнули в телегу,
на трупы сраженных армян,
Чтоб вывезти в чистое поле
и там, среди поля, зарыть.
Уже умирая, с меня не сводил он
печальных-печальных очей.
Я вижу их всюду,
на свете, ах, только и есть, что они...
Я все еще слышу тоскливые звуки телеги.
О я не забуду, с каким дребезжаньем
она волоклась за село!.. —
Тут бедная женщина вдруг задохнулась,
все тело ее затряслось,
Но, как-то сдержавшись
от слез, подступивших ей к сердцу,
Она досказала — продолжила страшную повесть:
— Теперь я совсем одинока,
одна я теперь и бездомна.
А дом, что имела, был полная чаша.
Спалили его душегубы,
и вмиг погорело все наше добро,—
И даже телята, и курицы даже, и белый петух...
Заместо зерна, запасенного на зиму, —
пепел в амбаре.
Стояли под кровлей два улья —
сгорели, что свечки...
Ах, как по утрам веселило мне душу
тепло моего очага!..

Нет и мышц, переполненных яростной мощью...

Да услышат и двинутся к нам —

под надежный покров Чок-Марзвана,

Этот город богат

удальцами и смертным огнем...

Отпирайте ворота.

Пришли, повалили к проходам...

Это беженцы — сомнице бледных, загробных теней,

Повергающих в ужас,

вызывающих жалость и негодование.

Вот идет вереница увечных, —

Тот остался без рук, тот без ног...

Вы не знаете, нет, как ползут по земле,

опираясь на локти, безногие люди.

Вы не слышали, нет, как старик с переломленной

челюстью криком кричит: «Помогите!»

Вот, потупясь, вбежали в ворота

Обесчещенные невесты.

Поглядите, вот матери,

горе которых безмерно.

Это их бессловесных малюток

Иноверцы у них на коленях

Топорами рубили на части...

Проходите, входите,

он где-то поблизости — враг.

И не плачьте, друзья,

в эти дни здесь не место слезам.

Лучше — вооружайтесь,
кто серпом, кто кремнем, кто лопатой.
Все, что режет, ломает, дробит,
Знайте, — годно для нашей борьбы за победу.
Перестаньте рыдать.

Скажем впавшим в унынье — уймись,
А бесстрашным и стойким воскликнем осанну!..
Ждать, что мир посочувствует нашей беде,
Припадать перед ним на колени
И сквозь слезы вымаливать помощь,
Нет, — вы слышите? — дальше нельзя..
Столько крови, запомните, сколько пролито и льется
В эти грозные, черные дни,
Никогда не лежало на совести рода людского
Даже в пору далекого варварства..
Наше слово — закон, и сегодня мы сдержим его!
Мы призвали врага заключить перемирие,
Но и этот воистину великодушный призыв
Враг со смехом отверг..
И сегодня, поверьте,
Сотни воинов смелых,
Всей душой сострадающих вашей судьбе,
Вам, едва уцелевшим, проложат дорогу
К вожде ленному счастью — победе над смертью..
Мы семь дней и ночей изнывали от жажды.
Перекрыв родники,
изменив направленье кристалльных протоков
И проворных, как молнии, речек,

Нет конца...

Воздадим, дорогие, хвалу

Нашим женщинам славным,

Все железо, всю медь, весь свинец Чок-Марзвана

Превратившим в штыки и патроны...

А теперь — на форты! К бастионам! К бойницам!..

Неприятель вот-вот перейдет в наступление.

Эти наши минуты, часы

Равносильны векам...

Их, убийц, как доносят,

сейчас пятьдесят тысяч с лишним.

Не беда, все равно, мы должны победить.

Постоим же, герои, за эту надежду,

За себя, за грядущее отчего края!

Час настал. Примем бой. Открывайте огонь!

Убивайте, стреляйте безжалостно, без передышек!

Наша совесть спокойна: ведь это они

Так открыто презрели стремление армян

К единению, к согласью... К тому же они —

Не из тех, кто живет трудовой, добродетельной

жизнью,

А презренная нечисть —

Мироеды, грабители... Бейте, стреляйте по ним!..

Цельтесь в голову всадника, что в диадеме,

Ибо только такие, как он,

Проповедуют рознь и вражду...

Братья, вижу, вы не промахнулись:

Вот он выронил знамя,

а вот он и сам повалился —

В диадеме, забрызганной мозгом и кровью...

Враг отходит уже,

но мы будем стрелять до тех пор,

Пока не победим...

Пока спящие где-то на рейде

Чужестранные крейсера

Не проснутся хотя б на минуту от огненной бури,

Вновь и вновь укоряющей их громогласно

В безучастии к нам и к самой Справедливости...

Братья, стреляйте!..

Враг разбит... Откатились, бегут,

спотыкаясь о трупы...

Но...но... я умираю...

Пуля в сердце впиалась...

Звездоокие Братья мои, не печальтесь...

Враг повержен... Победа за нами.



Зов отчизны





*Двенадцать воззваний армянам,
живущим на чужбине.*

УМИРАЮЩИЙ ОТЕЦ

Верните мне последнее письмо, я слезы вытереть
желаю.
Откуда льетесь вы, из пропасти какой, из каких
родников?
Мои слезы, вы похожи на жемчуг, а веки глаз моих
болят, —
Ведь жизнь свою, все солнце дней, все мысли
я выплакал сегодня...
Верните мне последнее письмо, чтобы закрыл я
глаза свои от взоров ваших...
В час предрассветный, в тот час, когда поют над миром
петухи,
Кто бодрствует средь нас?
Ведь доброту зари молочной соловьи, влюбленным
подобно,
Выплакали, а синяя куропатка
В серебряной клетке выплакала свою тоску по снегу.
Но почему еще не принесли розы из нашего сада?
Всего несколько роз с того куста, что посажен сы-
новней рукою,
И пусть падают лепестки на мое лицо, на волосы
седые,

Но закат, облака и солнце налились кровью,
И кровью окропляют наши святые поля.
Птицы умолкли, словно вымерли все, словно исчез-
ли, окаменели.

Черная ночь с неба течет, словно песок пустыни, —
Последний свет уставших глаз моих отнимает, —
Зажгите все светильники, все факелы, все свечи.
Почему вы плачете?..

Последний день чужбины сына сейчас кончится,
ведь караван подходит к роднику...
Звуки бубенцов я отчетливо слышу. Окна — настезь!..
Но почему вы плачете?.. Все тяжелее, тяжелее
дышать...

Здесь буря бушует...буря...

И падают деревья, словно скелеты,
падают наземь деревья.

Встаньте! Почему не идете встречать?..

Караван приближается, он идет к роднику...

Он пришел...

Что ж сидите вы здесь без движения, словно окаме-
нели все?

Вы слышите — о помощи взывает...

Если даже мой труп на ваших плечах станет коченеть,
Если даже мой труп... Я обязан, я должен в этот
вечер

Встречать свое дитя с открытыми глазами...

ГРЕЗЫ НЕВЕСТЫ

Годами сижу у окна одиноко,
Смотрю на дорогу, далекий мой путник,
И этим письмом передать хочу трепет
Души беспризорной и плоти сиротской...
Ты помнишь ли солнце в день нашей разлуки?
Лучами, как слезы мои, обливалось,
Лобзаний прощальным огнем пламенело,
Твоих обещаний цвело добротою
И шло твоей быстрою поступью в небе.
Светило разлуки, светило молитвы моей не забыл
ли ты, милый?
Водой из кувшина на тень твоего скакуна я плеснула,
Чтоб море всегда пред тобой расступалось
И суша всегда зеленела...
Светило разлуки, ты черною ночью теперь
обернулось...
Под ливнями лет слезы лью ожиданья,
Как по небу звезды, блуждают они по ланитам
И розы румянца пожгли...
Довольно! Я жажду тебя, я готова рвать волосы,
я умираю,
Вином твоим вечно пьяна, нескончаемый траур ношу,
Ведь ты, молодой и прекрасный, далек.
И вослед твоей памяти плачу,
Как ветер, вдогонку я рвусь,

Я молясь изодрала колени
И только на запад смотрю...

Молюсь, чтоб однажды моря пересохли от края до
края
И чтобы два мира — далекий и ближний — сошлись
воедино.

Лишь это настань — и ни царств мне не нужно,
ни солнца!

Лишь ты возвратись! Жду весь век твоего возвращенья.
Ведь руки мои без твоих одиноки
И черное платье совсем не к лицу мне...
Вернись! И отведай сладчайшего плода из нашего
сада —

Лобзаний моих, для тебя сбереженных.
Не ведают белые чресла мои материнства
И нету фаты златотканой, что пологом стала б
Над детской кроваткой.
И некому спеть колыбельной —
Небесной, священной, армянской — армянскому
сыну.

Вернись, ведь тоска не кончается.
Ночь расстилает свой саван
И совы кричат во дворе.
Рыдания иссякли — и кровь из очей заструилась...
Невестою брошенной, девой безумной кружу я
И сыпать готова, как дэв, в погребальном обряде
На голову землю с моей — неизбежной — могилы.

СОН МАТЕРИ

«Хочу описать тебе мой сегодняшний сон...Полночь
в мертвецкой...

Четверо братьев твоих — передо мной на коленях,
Бесплотные, с провалившимися глазами,
Дрожат в темноте, жмутся друг к другу,
Пришли убедиться, что мать не забыла их...

— Мама, мама... Утро прошедших дней...
Ради тебя мы нынче восстали из-под земли,
И все четверо, дружно, поспешили к тебе на порог...
Не пугайся, это мы, твои сыновья,
Дай посмотреть на тебя в пустынном мраке мерт-
вецкой.

— Мама, мама... Святость прошедших дней...
На нашем бедном деревенском погосте
Из сыновнего сердца взошел для тебя цветок любви...

— Мама, мама... Счастье прошедших дней...
Из сыновнего сердца взошли для тебя алые розы
надежды...

— Мама, мама... Доблесть прошедших дней...
Пусть и мертвый — стану грудью на защиту твою...

— Мама, мама... Тревожная красота невозвратимых
дней...
Твой старший брат сказал, как ты постарела...

Сколь мучительно одиночество в опустевшем доме!..
Семь лет, семь раз мы стучали в дверь твоего жилища,
Но лишь в эту ночь она оказалась открыта...

Кого-нибудь ждешь?..

Твоя лачуга шатается, будто штабель гробов,
Ураган обрывает листья с деревьев,
Горлицы, захлебнувшись, гибнут в ручьях,
И черные змеи на пороге жадно лижут нашу за-
сохшую кровь...

В голом саду давно ничего не растет...
Мы вчетвером переступили порог и обошли жилище,
Перед нами вновь засверкали обломки наших мечей...
В погребе — шаром покати, а в хлеву
Белый ягненок, жалобно бляя, грызет собственные
копыта...

— Мама, мама... Достаток прошедших дней,
Как живется тебе в твоём пустынном жилище?

— Мама, мама... Ласка прошедших дней, милосердье
прошедших дней,
Как живется тебе в твоём пустынном жилище?

Все четверо смолкли... Но когда во сне я имя твое
назвала,

Все четверо содрогнулись при звуке его

И, понурив головы, разрыдались...

Ваш младший брат не видел вашей смерти, но он
еще жив,

Ваш брат, ради которого я только еще и живу...

Услышав это, все четверо, ломая свои обглоданные
смертью ребра,

Орошая очи мои слезами мертвых глазниц,

Молвили:

— Брат, у нас есть брат, у нас на земле есть брат!

Мама, мама... Боль новых дней, новых надежд,

Как нам вернуться на нашу землю? Как нам вернуться?..»

Полевыми цветами усыпанным,
Босоногая фея спешит с Надеждой в руках.
И благословенья произносит бабушка:
«Мир праху умершего в этот год, мир всем вам!
Мир немилосердным этого мира, и сердце ваше
Пусть будет вашей опорой».

После, целуя юных красавиц и невесток своих, она
Спешит продолжить:
«На заре ступайте с кувшинами на плечах за водой
родниковой,
Ведь каждый год приносит свое солнце — свой дар,
Чтобы ваши дни были долгими, как вода, и ясными,
словно светило.

И с песней цветущего сада на розовых устах
За водой вы идите — в новый год родники
журчат подобно злату...»

Но беда превратила в пепел дни наши, наши мечты.
И падают снежинки, падают со звезд и неба, от
самого Господа,
Словно скорбные надгробные камни, падают,
падают вниз снежинки.

И ужаснулся полумесяц смерти, увидев свое кровавое отражение
В зеркально-чистых облаках.
В новогодний вечер, в этот скорбный час, у гроба все
Домочадцы собрались,
Гроб стерегут, гроб...

Нет ни песен, ни печальных улыбок, погасли, словно
свечи,
Последние благословения.

У невесты умерла Надежда, красивым и печальным
девушкам

Больно при мысли о сердцах мужественных и
неприступных...

Огонь тонира угасает, подобно душе умирающего
младенца,

И бабушкины стенания подхватывают все домочадцы...

Воет, печально и тихо, ветер холодный,

Словно по улицам колоннами проходят мертвецы,

И каждый из них стучится в свою запертую дверь.

Зола въелась в колени отчаянно молящихся, чьи
взоры обращены

К бледному небу, а думы — кто на чужбине...

А в этот час истоки истории под руинами мечты
погребены,

И вместо золотых преданий на людей проклятия
ниспосланы.

ЛЮБОВЬ

Слезы, в чьих выплакал вас я объятых?
Сердце, чьей нежности боль твою отдал?
Ночь, ты одна со мной — время кручины.
Из тишины непостижных созвездий
Взором безумным ищу, выбираю
Светоч заветной звезды, обрученной
Волею судеб с моею звездой...
Вычла Природа из лет моих вёсны,
К девственным лилиям тела приблизив
Только тоски нечестивое пламя...
Только мечта, только ты, незнакомка,
Клады и кладези плоти развернешь...
Розу любви из дарительниц сонма
Мне ни одна не дарила — и клятвы,
Клятвы любовной, блаженной, священной
Я не шептал никогда и не слышал...
Не был целован я и очарован
Хмелем таинственного поцелуя —
В нежные храмы любви не проник я...
Не было взгляда, улыбки, призыва
Сердцу — ответною вспыхнуть любовьюю.

Звезды, под вашими взорами смолкну —
С ужасом тайну свою постигая, —
Я о любви соловьем расстилаюсь,
Тени любви не увидев ни разу.
Снова смотрю в небеса, снова звезды
Перебираю, — златую их россыпь, — и если
Вижу, как гибнет одна, в синеве увядая бесследно,
То вопрошаю:
Кто знает, что стало с ней в это мгновенье?
Разве мою любовью единственно только сияла?

Снова сижу в одиноком молчанье,
Волосы на плечи, локти в колени,
Чашей ладони сложив,
Беломраморной чашей, —
Искры любви моей — слезы — в нее ниспадают.

АПОСТОЛ

Верую, брат, в судьбу.

Мысль мне твоя только в долгом боренье открылась.

Шел к ней в те страшные дни, когда наши крошились

мечи

Под ногами бойцов,

Шел, когда цепь с наших спин по земле волочилась,

За звеньями звенья.

Я, как дитя, улыбнуться Рассвету готов — если
будет Рассвет.

Плача, готов я упасть на колени над мертвыми
в поле,

Гордо лобзая в уста —

Вы породили его.

Славу пропел бы я ребрам златым материнства —

Вы породили его.

Но когда раны закрылись и слезы иссякли,

И Справедливость, как лилия, в нашем саду расцвела,

И просветлело Грядущее, Новую Жизнь зачиная, —

В эти ль часы не явиться на тризну, где Рыцарство
факел зажгло?

Факел Искусства и факел Науки зажгите,

Вслед за богами сражений, апостолы верные их!

Вы, чьи дела осязаемы, вы, чьи мечты подлежат
воплощенью,

Зодчий и каменщик, возчик и грузчик, — творцы!

Мудрости тайну познавшие и озаренье открытий,

Тайну материи светочем мысли проникнув,

Ныне поля осмысленья и нивы сомненья уже не

истопчет война.

С черною думой на светлом челе к Возрожденью

зовите

Из недр оскверненной Отчизны,

К свету дорогу мостите из недр нескончаемой тьмы.

Ибо растут те, кто жаждет ваших советов,

Ибо умы молодые посева познания ждут.

Ибо в развалинах стонут великие грады,

Ибо земля, как и прежде, чревата несметною

россыпью благ

Ибо огонь и надежда хранимы во мраке и в пепле.

Сердце расслышьте свое — поступайте, как скажет

оно.

Мысли свои — далеко впереди — на священной дороге

увидьте:

Светом сияют они, что дарован и вам, и другим.

СЫН ОТЦУ

Отец мой, до какого же солнца я, твой сын
незнакомый, и ты

Жить должны чужаками...

Ведь так нужно венам моим кипеть твоей кровью.

Глазам моим — отражать память глаз твоих,

Сердцу — биться твоей любовью,

Телу — следовать за твоим,

Чтобы стал я высоким и крепким, возвышенным,

А мечтам — наполняться твоими мечтами,

Чтобы мысль, осененная крыльями их,

Воспаря, находила своего создателя...

Но все это — лишь грезы,

Пока родительские уста не коснутся во сне моего чела,

Пока огнем своим не обожгут сыновнего бледного лба.

Отец мой, я мощная ветвь твоего

Буйно цветущего древа,

Что в годы усталости станет опорой твоей.

Я родник твой, что бьет из скалы гордости —

И в минуты жажды

До краев наполнит твой хрустальный стакан...

Я пчела расторопная твоего благодатного улья,
Что в дни горечи
На блюде твое золотистый мед принесет...
Я росток твой зеленый, твой сад и цветник...
Я — тот кров, где отцу утомленному отдыхать

надлежит...

Я — единственная струна арфы вселенной,
Которая будет петь для тебя...
Я оазис, прохлада твоя под лучами палящего солнца,
И я нежное солнце твоих дней тревожных и бурных...
Я сущность твоя, залог твоей будущей жизни,
Та часть, что пребудет живой после смерти твоей...
Бог ли, разум наследственный — кто мне открыл эту
тайну,
Что в глазах моих твой отражается образ...
Как реликвию, светлый твой лик сохраняют зрачки,
Не могу допустить, чтоб от слез и тоски моей он
помутнел,
Пока не обниму тебя, и не заплачу в трепете...

СБОР ВИНОГРАДА

Как осень в этот год щедра...
Она своим солнцем и благословеньями былинными,
После стольких смертей, ран, потерь,
Напоила щедро
Бескрайние поля и долины, города и веси.
Пишу тебе о том 'транном видении, что явилось
недавно...
То было в ранний утренний час сбора винограда.
Родник был спокоен, тот родник,
Что был напротив виноградных давлений,
Где тихо пело зеркало нашего детства.
И песню эту понимали лишь только сироты...
В садах, вдали от дорог суетливых, каждая кисть
винограда,
Словно сердце, надеждой пылала.
И прозрачные ягодки благодатной лозы, что под
легкой
Синевой созревали каждый год,
Были бесчисленны, словно звезды ночные твоей
Отчизны...

С верхушек тутовых деревьев томительные журавли
Трубили свой зов и спускались на теплую ниву.
Из глубин садов легко разливались ликования звуки,
И в полях опустевших, вокруг пшеничных стогов,
Танцевали армянские невестки.

Сбор винограда был первым утром нашего
пробуждения,

был утром

После ужаса, траура наших прошлых лет.

Природе и людям тот день незаметный воскресеньем
казался, праздником светлым...

После дней изнурительных, тяжких, работой нелегкой
наполненных, —

Ночь на поле, сады,

Словно бархат, упала, и гроздья. золотистые гроздья
погасли.

Гасли в поле стога, словно призрачные холмы...

Там у родника, где в предутренний час

свой поцелуй подарил ты,

Я — твоя сестра, сиротка с чистым взором,

Вдруг увидела, иль это мне показалось,

умершего летом отца.

Я в ужасе встрепенулась...

Он же, мне вновь почудилось, нас в объятьях

нежных держал,

И пальцами гладил копну моих непокорных волос.

Со старой надеждой он вновь обратился ко мне:

«Девочка, дочь моя нежная,

Хоть меня ты узнать и не можешь, но помни, —
Ты плод моей души и сердца.

Как многие, и я в один из дней покинул вас навсегда.
Так знай, что со дня твоего рождения и до этих пор
В садах армянских впервые саженцы лозы

дали всходы.

Напиши брату своему, что в эту весну

не было

Кровопротития и резни,

Что тень старой надежды и этих сладких ягод
сладчайший сок увлажнили мои уставшие глаза».

В темноте, удаляясь, под звездным саваном синим,

Оглянувшийся призрак действительно был наш отец?..

Призрак вновь обернулся ко мне и возвращающимся

из сада тихо, очень тихо сказал:

«Соседи прошлых дней, вы, неистовые труженики,

Будьте благословенны, будьте благословенны все!

Пойте,

И верьте в мое увещание, — вино ваших новых весен,

Под знаком справедливости, воли и вашей новой

отваги,

Впредь из кувшина, иль из золотого кубка, —

Не проливая крови, будете с радостью пить...»

МОЛЬБА АРМЯНСКИХ ПОЛЕЙ

От страны Араратской и до низин Евфрата,
Из глубин недр родины нашей

мольбу и приговор вам адресуем,—

Предатели жизни, трусы, равнодушные.

Ты — сосланный, ты — изгнанник, ты — эмигрант.

Где вы? Где ваши руки пахарей наших долин?..

Где же и вы, которые в стародавние дни были

Неподкупны и ясноголовы, когда пот ваш,

богатыри-землепашцы,

Словно жемчуг, струился и падал

В складки глубокой борозды.

Где вы, благословенные длани?

Неоскверненные руки,

заветные, плодоносящие, добрые,

Благородные, молчаливо-решительные,

Когда священное зерно пшеницы на вашей ладони

шершавой

Сияло, словно золота нежный разлив?

Вы песню плуга пели в полях... Ваши мощные

волы вонзали

В священную землю сверкающие молнии лезвий
острых плугов...
Волы усердно пахали поля, гордо мыча
и гордо шагая в закат.
И дожди мелодичные, и солнце, подчиняясь гармонии
вечной,
Ласкали поля, и зерно урожаем богатым спешило
в амбары.
Спелым летом то было, а может, в конце осенних
дождей, —
Из сел, городов, — с серпами, с косами, с вилами,
Косари шли, тысячи косарей на поля армянские шли
Косить созревшие, золотые колосья пшеницы
священной,
Чтобы в дар Человечеству все это дать...
Но сколько весен и сколько осеней, о пшенице
молящих, ушло...
И без цветов полевых, без плодов земных
одинокая, бесконечно тоскливая земля
Вас ожидает...
Сострадайте той пролитой крови и тем сиротам, что,
Словно изуродованные розы, вопрошают
У окаменевших и черных ребер наших отцов...
Горсть пшеницы они у нас просят, только горсть.
И после от наших армянских полей уйдут, удалятся,
Проклиная закон самой жизни,
Природу, доброту и ее недоступные плоды.
Вы, недостойные наследники тысячелетий,

И пусть изобилие вновь осенит наши скорбные нивы,
Чтобы вновь просветлели глаза —

Очи рода Армянского.

Каждый ломтик добра, каждое снадобье

от зла человеческого,

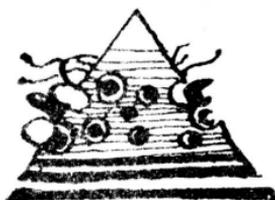
Зависит от нас, от нашего совета, от законов наших,

от каждого сословия, от каждого...

И тогда Оливковое дерево с божественными ветвями

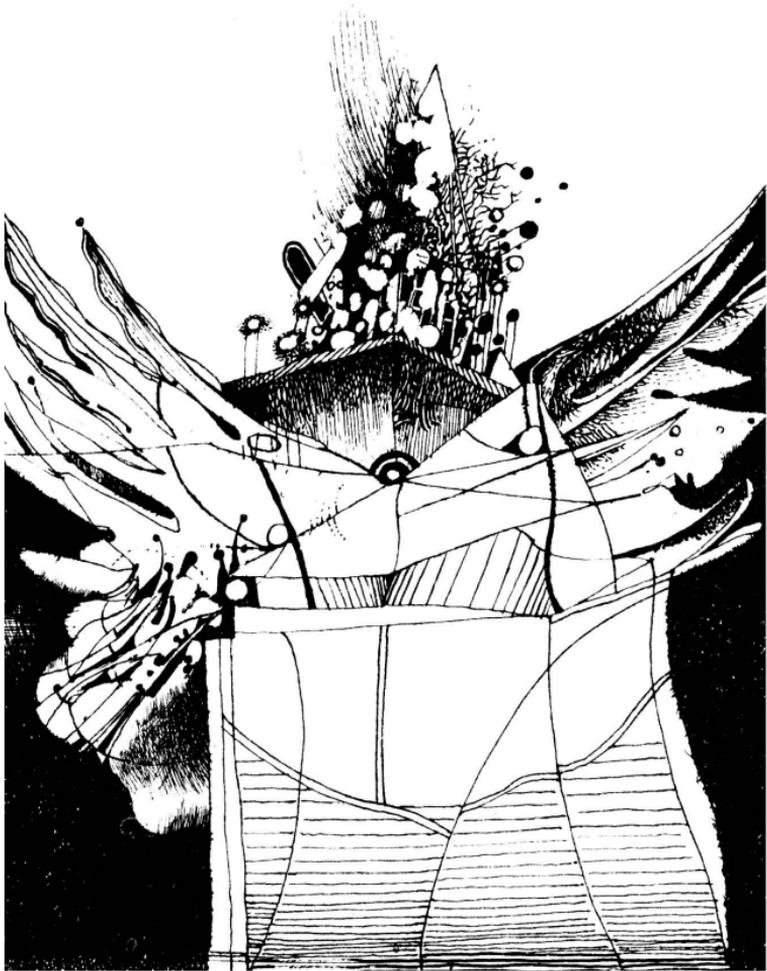
Меч родит и для нас, над этой священной пшеницей...

1910



Месрон Маштоу





СВЯТОЙ МЕСРОП

Панегирик

Священнейшее место Ошакана,
Земля, в которой упокоен гений,
К тебе идет с торжественной мольбой
История пятнадцати столетий
Из двух Армений — Запад и Восток,
Свободными сквозь бури испытаний,
Идут к тебе, О Светоч Ошакана,
Науки златоводная река
О тысяче прекраснейших притоков,
Спаситель мысли, великан надежды,
Ты — жизнь, и ты воистину бессмертен,
Ты — вереница факелов во мраке,
На свет которой с детства я спешу,
Дабы возжечь и собственную душу.
Учитель величавый Ошакана!
Монах высокомудрый, Божья Чаша,
Христова Риза, истины родник,
Вершина мысли в горном одеянье,
Могущества непокоримый пик,
Радуга слова, синий дождь молитвы, —
Твоя земля благоухает небом...

Ты — самый истовый христианин,
Ты — мученик, пустившийся в пустыню,
Отшельник, схимник и анахорет,
Ты — ладан в небо, ты — цветник кадилъниц,
Вероучитель, строгий и простой,
Столп, вознесенный в высь хрустальной сферы,
Ты — купол мысли, горизонт души,
Ты — дар осенней щедрости народу.
Вслед за тобой, уверовал и я.

Бессмертнейший из живших в Ошакане!
Первонаставник выше всех похвал, —
Дитятей шестилетнею впервые
Я начал твою азбуку учить,
Безвинно, по складам ее читая,
И первым крестным знаменем тогда, —
Не стану лгать перед моим народом, —
Тебя и Господа восславил я.
Тебя и ныне славит все земное —
Младенцы (тихим лепетом своим)
И старики, подернутые прахом,
Благословляют славный твой Удел.
Подвижник ошаканский, скромный гений,
Служением высоким одержим,
Ты перевел нам истины Йеговы,
Ты дал армянам праведный Завет,
Ты — ключ алмазный к Золотому Веку,
Ты — первый из писателей-армян,

Ты — академик выше академий,
Ты — мраморных дум университет, —
Прости ученику за опозданье —
Пятнадцатистолетнее — к тебе...

Бог Мысли, обитатель Ошакана,
Познания ты заложил помост,
Ты ввысь взметнулся башней золотою,
Дабы для нас у звезд исторгнуть свет
И показать нам, как велик наш Разум,
Серебряное море наших дум,
Ты — Моисей армянского народа,
Ты дал нам наше главное — язык!
Пусть на закате дней моих наполнят
Мой череп прахом и его сожгут
С моею недостойной лирой вкупе
В кадьнице, которую зажгут
У гроба твоего...

Молитва святого Месропа

Господи Единосущий, дай мне света!
Судьбоносный Зодчий Мироздания,
Неисповедимый Царь Познания,
Пантократор, Бог громов и молний, —
От Тебя, о Боже, ждет Месроп,
Скромный дьякон Исполинской Церкви, —
Озаренья!

Помоги мне в милости моей!
Я — пастух без посоха пред Словом,
Я — ничтожный смертный, скверный пастырь, —
В нации армян...
Я — безмозглый писарь, лжеучитель,
Я — бессильно павшая хоругвь,
Я — садовник в засуху, сновидец,
Снам своим не верящий, я — только
Одинокий и согбенный путник;
Я — твой недостойный ратоборец —
Жду, молю, взываю —
Озаренья!
Как мне с паствой справиться иначе?
Озаренья!
Боже, помоги мне! помоги!
Я — бездарный псарь с Господней псарни,
Я — пустой и выпранный вития,
Я — крупица пустоты вселенской,
Я — отшельник вечный и бездомный,
Выдумщик, мечтатель, говорун.
Я — окно как щель и дверь без входа,
Я — волна, топящая себя,
Я — гробохраниль, мертвознахарь,
Я — лишь жнец, а печь хлеба — не мне,
Я — тот спящий, что не знает крова,
Я — тот алчный, чья алчба не в счет,
Я — крестьянин в сорном пустополе,
Я — ночь без луны, струна без лиры,

Ведь душа армян пока безгласна.
Озаренья, Боже, озаренья!

Помоги мне, Зиждитель Вселенной,
Я — сучец в глазу, слепое око,
Ушеса без слуха и любви,
Я и в стане песни — козлопеец.
Я — никем не вспаханная почва,
Я — пустые горе-закрома,
Я — стол в доме голода и жажды,
Я — незванный гость Христовой свадьбы,
Я — фитиль без масла, лжец без мысли,
Я — любовник слабый и холодный,
Я — тот, кого надо бить камнями,
Я — дурной хозяин и слуга,
Я — бедняк во всем моем богатстве,
Я — уста без ласки, взор без слез,
Девственность без благодати зачатья,
Пилигрим — но не к святым местам...
Дай мне только искру озаренья!
Только пену светлую его!
Двери жизни, Боже, распахни мне!

Помоги мне, Беспредельный Бог!
Я — ручей и водопад безводный,
Я — в сомненья впавший судия,
Я — ученый, что темней невежды,
Я — тот полог, что на совесть пал,

Я — стена во тьме, я — узник ада,
Я — зародыш, изведенный втуне,
Я — бурьян с тропы, ход под землей,
Я — дом, где не ждут, бездомный смертник.
Озаренья, Боже, не таи!

Помоги мне, Высшее Начало!
Я — купель без влаги и елея,
Я — полуразрушенная паперть,
Я — косарь и пахарь безземелья,
Я — избранник, неугодный всем,
Я — врач без лекарств и ткань без нити,
Я — светильник мрака, мрак светила,
Я — лесная темень и осина,
Я — доска нетесаная, в сучьях,
Я — тот ладан, что на вид — навоз,
Я — лоза без грозди, злак без зерен,
Я — чело из дуба, перст из воска,
Я — сорока, а не исповедник,
Я — пустыня, где нет каравана,
Только смерч песчаный отовсюду.
Озаренья!

Помоги мне, Истинный Завет!
Я — добыча алчных колебаний,
Я — дитя сомнений и потерь,
Я — гонений жертва и несчастий,
Крик беззвучный, трубный глас неслышный,

Мертвый лист я в октябре, я — ветка
Лысая, я — цвет без аромата,
Я — лишь тень смиренномудрых мыслей,
Я — лишь призрак богопочитанья,
Я — лишь вопль, в Твоей стоящий Церкви,
Перед всем народом христианским —
Чтец-заика, лжеперелазатель
С языка чужого на армянский
Книги Бытия...
Помоги мне, Вечное Познание,
Помоги, Творец Всего Земного,
Царь Небес, Смысл Жизни, Цель Стремления,
Вечномилосердная над миром,
Щедра раздающая мечтанья,
И всезнанья светлым покрывалом
Дивно наделяющая званых, —
Помоги мне
На сороковую
Ночь моих томлений и молений, —
Боже христианский, Боже правый,
Длань Твою мне возложи на плечи!
Озаренья, Боже!
Озаренья!

СЛАВА ОТКРЫТИЯ

Месроп! Алмазный утес,
Сверкающий над армянскими веками,
Всему — от неразумных детей
До всепостигающих гениев —
Путеводный маяк познания...
Месроп! Немолчный твой молот,
Непрестанный, как сердце часов,
Отковывает памятники разума...
Страж бессонный, волхв исполинский,
От колыбели до могилы
Каждому нашему слову, каждому дыханию
Толкователь златоустый...
Ты — творец речи, ты — князь Глагола,
Ты — плодотворящий породитель формы,
Ты — бесконечная вязь словоплетения,
Ты — колесо света, ты — введение в веру,
Ты — вихрь, всколыхнувший в отечестве
Лес неисчислимых сердец,
Где любое могучее дерево —
Арфа дыхания нашего,

Труба гортани боевой,
Оборона от судьбины и напасти...
Нива неистощимая, хлебодар щедрый,
Ты — обильная жатва и огнепламенная давилъня,
Ты — бездонная кадь опьянения и вина,
Дай же погрузить в нее золотой кувшин
Умиращему от жажды по солнцам...
Ты — апостол, ведающий сокровенное,
Ты, утвердись на краеугольном яхонте нашей речи,
О тебе поющий народ армянский
Спас сегодня от гибельных
Эллинов гениальных,
От блистательных сынов победоносного Рима
И огнепоклонников-персов соседних...
Ты — второй Бог,
Ты — первотворец мышления,
Ты — животворное добро, родник сердца,
Сокровище цвета, престол милосердия,
Ты — съединивший летящие века
Мост незримый, по которому племя твое
То во славе, то в ничтожестве
Из бытия к смерти переходит...
О прославленный от греков
Высокотитулованный Акумит,*
О пустынножитель, о магистр,
«Осанна тебе!» возглашают обе Армении,

* Почетное имя, равное званию ученого архимандрита, которое греки дали Месропу Маштоцу.

И патриарху Вагаршапата осанна, Сааку Великому,
Равноправному твоему соратнику,
И царю Врамшапуху —
Ибо один — крест, другой — меч
Сделали опорой твоему великому открытию,
И, шагая с тобою вровень,
Утренней араратской зарей
Отворили нам врата словесности...
Вся кровь мозга твоего вскипала,
Бросая тебя от горячки к горячке,
От трепета к трепету,
От смятения к смятению,
От вероятия к вероятию,
От адской корчи к корче,
От шквала к шквалу,
От меры к мере, от весов к весам...
Сорок суток денно и ночью
В уединении, схожем с одиночеством гроба,
Каждый луч твоих очей,
Каждая частица души,
Каждая искра твоего гения,
Бурное дыхание твое, бешеный порыв взлетов,
Огненные потоки молитв
Приближали тебя к твоему провидению...
Из росточка цветка, процветшего во сне,
Из почки еще не лопнувшей,
Из меркнущего света, из неясной тени,
Из тусклой линии, из горней розы упования,

Из сферы, из безгласной ноты, из безликого слова,
Из реющих и неприкаянных обрывков
Создал ты Алфавит гармонии...
Доныне, до сегодня, пропитанного нашей кровью,
Многозвучный армянский гений
Отливается в твоих формах...
О непостижимая загадка,
О сноп молниеподобных нервов,
О горнило крови, неисследимая и длимая греза,
О удивительный и постоянный сновидец,
О лирический дух, взирающий грозным зраком,
Ты — радуга, Господом поставленная,
Ты — даритель огня примирения,
Ты — поводырь малодушных и заблудших,
Ты — таинственная и единственная купель,
Ты — духовник возвышенных страстей,
Муж Господень, брат мысли, единокровный лире,
Дай же припасть и мне к чаше твоей...
Вот же, вскормленный твоей святостью,
Я — запоздалый лирник,
Неблагодарный и недостойный должник,
Несу тебе зеркало души твоего племени...
В моих зрачках пламень его зрачков,
Слова мои прямо из его сердца
И, что прочтешь на моем челе,
Что отгадаешь в улыбке,
Написала через меня его надежда...
Дозволь же, о Месроп,

По златокованой твоей лестнице,
От уделов армянских ведущей к звездам,
Твердой поступью, ступень за ступенью,
От лавра к лавру, от света к свету,
Мне, сыну мысли твоей,
Притечь к тебе,
Дабы пропеть эту свою песню...

ГОВОРIT МОГУЩЕСТВЕННАЯ СИЛА

Сыны, порожденные тайной моего бытия!

Ныне настало время мне говорить с вами. Вы должны
побороть те дни,

Когда огонь вашей жизни вас разделил убого...

Я всемогущая сила. Я огненное созиданье

И в безграничных моих просторах нету места для
тени моей жалости.

В минуты ваших сомнений, слабости и колебаний

Я погребая вас под собой, как рухнувшая стена.

В ваших руках я — меч, срезающий ваши же головы.

Я — преисподняя для двуличных безбожников,

Я — разрушитель ваших беззвучных шагов,

Я — вулканический молот свирепый,

Нависший над головами покорных...

Я — сокрушитель вялости, я — эшафот для

колеблющихся...

Я — пропасть паденья и я же — причина взлета.

Я — железный престол воли, я — пристанище для
движенья.

Знайте: и ваша мысль, плодотворная или бесплодная,

И ваше воображенье —
Все это только пыль
Из хранилищ моих огневых.
Пейте из чаши моей, ибо это — чаша Надежды!
По ступеням гонений и обещаний вверх устремляйтесь!
Пусть из венков вашей славы
Бедняки сплетают себе сандалии,
Ведь на челе у сильного
Лавры должны цвести только лишь день.
Помните: из глубины веков
И поэт, и мудрец
Донесли и вложили в ваши сердца
Жажду духовной мощи.
Я — бытия основа, суть и причина жизни,
Я — стержень, я — центр и человека, и вещества.
Пусть теми же трудными,
Как движенье извилистых рек,
Таковыми же непостижимыми,
Как тайны вселенной,
Попадают тела ваши мертвые в печи мои,
Чтобы из вашего пепла
Я замесил новую сущность.
Пусть прорастут новые всходы —
Пусть же родятся люди богоподобной воли!
Внимайте, голосу моему внимайте!
Распустите, ликуя, паруса своих кораблей,
Устремитесь навстречу опасности,
Загляните в лицо неизвестности!

Как ураган, сметайте препятствия,
Побеждайте, смеясь,
А потом победите свою же победу!
Сейте, повсюду сейте зерна огня и света,
Чтобы рождались люди, достойные града престольного,
Золотого града для избранных.
Пусть могучая ваша мысль
Воплотится в мрамор прекрасных строений,
В страницы бессмертных книг!
Не оскверняйте руки свои кровью злодейства,
Не сокрушайтесь из-за мирского блага,
Не позволяйте, чтоб слабые вас жалели,
И не жалейте их сами.
Только себя совершенствуйте бесконечно.
Это будет ваша победа над самими собою...
Волю свою соберите в кулак,
Ввысь поднимайтесь, дабы достигнуть зенит Мощи.
Непорочные дети солнца!
Воспевая могучую Силу, вверх поднимайтесь
На башню мою, доселе пустую,
Башню для сверхлюдей.

МОЛИТВА БОГИНЕ АНАИТ В ДЕНЬ НАВАСАРДА

О богиня! Вот я свою очистил совесть от слабо-
душной религии,
И торжественно иду к Тебе. Стопы мои еще святы,
Открой мраморную дверь твоего храма, чтобы я
преклонил
Колени свои, чтобы я в молитвах окровавил свой
лоб...
Открой дверь алтаря, и дай былую огненную мощь
Пращуров моих — Арташидов.
Внемли речам моим, златовласая мать, сестра са-
мой доброты,
Сестра плодородия,
Владычица древних Армян, —
Ликуя, как прежде, твой род утро Навасарда
встречает...
Прими мои молитвы, пред образом твоим
Коленопреклоненно тебя прошу.
Внемли молитвам моим, ты Роза Чуда, богиня
с золотыми стопами,
Святая Невеста ночи, Возлюбленная Арега.
От наготы Паруса Арамазда с лунным твоим телом
Пусть вновь воскурится Алтарь от луча.

В тебя лишь верю. На багревандских холмах
находясь,
Я — твой многовековой поклонник мифов, твой
сын-копыеносец,
Как проситель, апостол спокойно и гордо к Тебе
иду.

Послушай, Гайкова лира моя на земле Гохтан
родилась.

Желаю обет дать тебе... К тебе спешу,
Накрывшись хламидой и связкой гибких молодых
веток,

И розовое масло в серебряной лейке тебе несу,
Груди твои окропить желаю...
Спешу к тебе, держа в руке еще и кадильницу,
куда собрал я

Горестные слезы мои, пролитые за гибель твою.
К тебе иду, за тенью моей заветные лани спешат,
И пусть с багревандских холмов
Язычники, воины ладные, в рясах виссоновых,
с копьями,

Луками после стрельбищ пред входом в алтарь
В шеи мощных быков воткнут свои мечи...
И пусть, словно стая горлиц, невесты армянские
К твоему поспешат изваянью. Пусть вновь востор-
жествуют

Водные игры Вардавара, и пусть молодые девушки,
Вкруг жертвенника танцующие, свои тела магические
Тебе, о богоматерь любви и бдительности, дарят...

Позволь мне, о богоматерь Анаит, совершить се-
годня месть свою
Двадцативековую,
Смотри, — в огонь твоего алтаря я бросил два ядо-
витых крыла
Моего низвергнутого деревянного креста.
Ликуй, о Матерь Златовласая, — от ребер Просве-
тителя
Беру одно ребро и, словно свечку, тебе зажигаю...
Молю тебя, о Ты, несравненная Красота Мощи и
Силы,
Отдавая свое тело Солнцу, его оплодотворишь
частицей,
И дай армянскому роду грозного всемогущего Бога.
Из алмазного чрева, о Богиня, роди нам
Бога Непобедимого...

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Ангаладян Вместо розы свободы — лоза гнева 5

Героическое

Дорога надежды. Перевод М. Шатовой	17
Боготворение. Перевод М. Шатовой	22
Зори. Перевод М. Шатовой	27
Сражение. Перевод М. Шатовой	31
После победы. Перевод М. Шатовой	36

Сыны Армении

Голос Земли. Перевод Т. Буковской	41
Крестный ход покаяния. Перевод В. Топорова	47
Ахпюр Сероб Варданян. Перевод Р. Ангаладяна	53
Хримян Айрик. Перевод Р. Ангаладяна	58
Кавказ. Перевод С. Скверского	63
Они. Перевод С. Скверского	67
Монолог. Перевод В. Топорова	72
Призыв к ненависти. Перевод В. Топорова	76
Из жизни сирот. Перевод В. Топорова	81
Умерший голодной смертью. Перевод В. Топорова	86
Из глубины тюрем. Перевод В. Топорова	92

Факелы агонии и надежды

Видение смерти. Перевод С. Ботвинника	99
Вечер покоя. Перевод С. Ботвинника	101
Молитва. Перевод С. Ботвинника	103
Моя душа. Перевод С. Ботвинника	105
Похороны. Перевод В. Топорова	107

Милосердие. Перевод В. Топорова	109
Лишь кровь кругом. Перевод В. Топорова	110
Мои слезы. Перевод В. Топорова	112
С песней хочу умереть. Перевод В. Топорова	114
Во имя надежды. Перевод В. Топорова	116
Ночь. Перевод Р. Ангаладяна	119
А струны лиры моей все влажны. Перевод В. Топорова	123
Во имя идеи. Перевод В. Топорова	125
Видения страдающих призраков. Перевод Р. Ангаладяна	127
Песня рыцаря. Перевод С. Ботвинника	130

Кровавые вести от друга.

Траур. Перевод Р. Ангаладяна	143
Танец. Перевод Р. Ангаладяна	146
Отпущение греха. Перевод Р. Ангаладяна	150
Крест. Перевод В. Баласана	153
Шелковица. Перевод В. Баласана	160
Одна победа. Перевод В. Баласана	165

Зов отчизны

Умиравший отец. Перевод Р. Ангаладяна	173
Грезы невесты. Перевод В. Топорова	176
Сон матери. Перевод Е. Салоневича	178
Новогодний вечер. Перевод Р. Ангаладяна	181
Любовь. Перевод В. Топорова	184
Мать — сыну. Перевод С. Ботвинника	186
Апостол. Перевод В. Топорова	188
Сын отцу. Перевод С. Скверского	190
Сбор винограда. Перевод Р. Ангаладяна	192
Мольба армянских полей. Перевод Р. Ангаладяна	195

Месроп Маштоц

Святой Месроп. Перевод В. Топорова	201
Видение. Перевод В. Топорова	208
Слава открытия. Перевод А. Эппеля	209
Говорит могущественная сила. Перевод Н. Габриэлян	214
Молитва богине Анаит в день Навасарда, Перевод Р. Ангаладяна	217

СИАМАНТО

Лоза гнева

Стихи

Редактор *Кочарян С. М.*

Худ. редактор *Гаспарян Дж. Е.*

Техн. редактор *Чанчапанян М. Э.*

Контрольный корректор *Егизарова И. Г.*

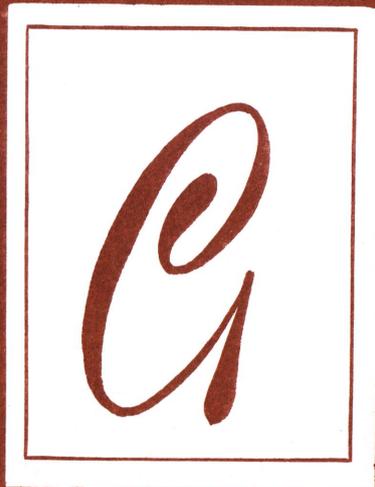
ИБ № 5266

Сдано в набор 12.08.86. Подписано в печать 04.06.87. Формат 70×100^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. 9,1 усл. печ. л., 13,14 усл. кр.-отт., 5,7 уч.-изд. л. Тираж 25000. Заказ 1155. Цена 80 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван — 9, ул. Терьяна, 91.

ТИПОГРАФИЯ ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ

Госкомитета Армянской ССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Ереван — 82, пр. Адмирала Исакова, 48.





«СОВЕТАКАН ГРОХ»